

Саша Немировский

**КАНТАТЫ
ВРЕМЕНИ**

/ стихи */*

Иллюстрации Павла Тайбера

Sasha Nemirovsky

**The CANTATAS
of TIME**

/ poems */*

Illustrations by Pavel Tayber

Книги Саши (Александра) Немировского

Без Читателя (1996)
Уравнение Разлома (2009)
Система Отсчёта (2012)
На Втором Круге (2014)
Точка Обзора (2016)
Секвойя в Цвету (2017)
Партитура Пейзажа (2019)
Jazz-Поэзия (2020)
Предисловие к Мирозданию (2022)
Кантаты Времени (2023)

ISBN 979-8-3507-0730-4

Library of Congress Control Number: 2023932748

© Sasha Nemirovsky, 2023; All rights reserved
<http://www.nomer.us>

© Woodside Publishing, Woodside, CA. USA
email: editor@westcoastlit.com

Вместо предисловия

Я слишком долго откладывал эту книгу. Но вдруг она собралась сама — из фрагментов, мелодий и переживаний, накопившихся за период мировой болезни и потом за период новой мировой войны. Многие (но не все) стихи, в неё вошедшие, были опубликованы с 2019-го и по 2022 годы, их можно найти разбросанными по периодической печати — в тонких и в толстых журналах или в альманахах различных стран русской Ойкумены. Они также звучали в моих выступлениях в известных литературных клубах, на слётах и на литературных фестивалях, некоторые есть и на интернете

Какое нам дело сегодня до искусства? Мы бегом проживаем через стаккато времени, в котором нет единой темы, единой мелодии, а есть только краткие гармонии, обрывистые, начинающиеся внезапно и так же внезапно обрывающиеся. Ведь какофония — это просто коллекция коротких гармоний. Или же наоборот — только искусство и есть спасение из этого паноптикума, в котором мы живём сегодня? Дайте мне другой глобус, на котором я поставлю памятник этому.

Направление «Jazz—поэзия», получило дополнительное развитие в этой книге. Пытливый читатель увидит мутацию строки в повествование. Там, где раньше джазовые цепочки состояли из логически смежных, но самостоятельных образов, теперь джазовые синкопические композиции пронизывают связанный образный рассказ. Рассказ, который мог бы почти считаться музыкальной прозой, если бы не поэтическая вертикаль, пронизывающая его суть.

Книга эта составлена из нескольких тематических тетрадей, каждая из которых может быть независимой

книжкой под своим собственным названием. В зависимости от состояния можно читать только одну из них. Грустное, разбавленное светлым — это ли и не есть наше существование?

Что такое «Jazz—поэзия», как она устроена, и какие там действуют строгие правила, я уже писал — сначала в «Манифесте джаз-поэзии», потом, более конкретно, в эссе «Музыка формы».¹ Что касается использования приёмов «Jazz -поэзии», то об этом также была статья – «Вдвоём с Сизифом».² Размышления об отличиях и классификации направления по сравнению с общепринятыми стихотворными формами можно найти в статье «Разновидность боевого искусства».³

«Разлуки» — эссе о моих дорогих друзьях и коллегах по перу тоже уже публиковались в журналах и есть на интернете и, даже, есть в звуке. Но без них период времени для меня не полон, и поэтому они также вошли неотъемлемой частью в эту книгу.

Комментарии, отзывы, просто контакт через сайт:
www.nomer.us

Ваш автор

¹ См. журналы «Апраксин блюз» 2013г. №24 и «Интерпоэзия», 2018, №3.

² См. журналы: «Новый Свет» 2018, №3 и «Грани» №272

³ См. журналы «Нева», 2019 Ноябрь и «Грани» №274 за 2020.

LLORET DE MAR

1

Где-то здесь разбивается на кусочки
приходящий с востока прилив языка.
На солёные строчки
прибоя, на слова каблучков
с ударением неточным
по за́мершим ночью
дорожкам,
вдоль домов, потушивших бока.
Где-то здесь, где века
протянулись от римлян, в беззвучье похожи
непрочной надеждой на вечность,
что камень хранит,
распадается слог на тона загорелости кожи,
первобытной волной набегаая на ножки
красавиц, и крошится на звук. Здесь беспечность
на солнце горит,
отражаясь в очках Афродит,
снявших пену, у пляжа порхающих крыльями бёдер,
говорящих славянским растрёпанным сленгом.
Здесь спадает культуры налёт с нужды продолжения рода
и претит
всё, что логикой сшито, природе мгновенья.
Когда нет языка — лишь одна нагота сотворенья.

2

Море на рассвете спокойнее моря на закате.
Человек на закате спокойнее человека на рассвете.
Я заметил это по детям,
играющим на пляже,
и по старикам, наблюдающим
за ними из шезлонгов.
По тому, как разглаживались их морщины, —
так плывут на восход, раздвигая прибоя пряжу,
так горы выполаживаются в лощины,
так уходят из памяти прошлого эшелоны.

(25.09.19)

ОРЕГОН В ИЮЛЕ

Центральный Орегон.
Двусторонний highway
из позабытого в неизвестное рад редкой машине.
В остальном пуст.
Суховей,
мотающий маленькие вихри, кружит
по обочине.
Индийское поселение: раскидистое дерево, куст,
одноэтажка. Узкие окна,
некоторые заколочены.
Кокон
солнца блестит на металле крыши.
Стайка детей.

В разной степени разрухи — автомобили, пасущиеся вокруг,
постепенно съедаемые ландшафтом.
Чуть ближе — сук
другого дерева, завешанного
не разглядеть чем, похожим на вату.
Спуск
в долину, залитый жарой обратного подъёма.
Склон, переходящий в огромный
горный кряж.
Плато облаков, пронзённое размашисто горой.
Вулкан, вершиною в снегу — как камуфляж
для одиночества,
герой,
вознёсшийся в масштабное величие.
Собственное отличие
от зодчества
пейзажа внутри, и только.

Так маленькая долька
жизни всё мерит по себе, кичится силою руки,
пока не вышло время,
да взгляд отважен.

В остатке — лишь бесконечность музыки реки
над перекатом, бьющим в дальний берег.
А слушатель её — неважен.

(12.07.19)

ДЖАЗ-КАФЕ

Что тебе рассказать про джаз-кафе?
Одно из последних, дышащих на ладан
строкой саксофона.
В местах, где, закон
не нарушив, нельзя покурить.
Да и ладно.
Открыто в weekend. На ковре —
следы пятен.
Пожилой пианист — в пальцах прыть,
знаменитый ударник, певица, тромбон (чуть невнятен.)
скромно делают джаз на малёхонький зал.
Из сифона
за барною стойкой, за стенкой, в бокал
разливается эль, и патроны,
смеясь и качаясь в синкопах,
ногами стучат по паркету.
В душном зальчике лето.
Вот девчушка из прошлого века,
забросив за спинку пальто,
гонит воздух салфеткой.
Тот веер её
раздувает туман Миссисипи
над воронкой трубы,
чтобы он поднимался под люстру.
Её кавалер, неуклюже рассыпав
закуску,
подначит в пространство: “Играй, не вникай!”
Низкой крыши опоры-столбы
изогнутся стволами.
“Summertime”
Поплывёт. А он вспомнит течение Невы.
Время, место, где дым и туман в пополаме
покрывают буксирный тягач.

Как похоже дрейфует в стакане
мартини маслина, проплывая от стенки
до стрелки,
где остров из кремня.
То же синее небо и ясное
солнце. То же «Летнее время»,
в котором и папа богач,
да и мама прекрасна,
и ты, моя бэби, не плачь.

(03.03.19)

АРМЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Путешествуя по Кавказу,
вспоминаешь правило торговли:
внешность продавщицы — движитель успеха.
Приятная глазу,
она — помеха
для проходящих мимо.
Так запятая тормозит фразу,
выделяя заранее подготовленную
мысль, что с контекстом не совместима.

Так же, паузой среди гор,
лежит череда долин — перебор
тонов от ночного до снежного,
в городочках, что в шрамах от древних эпох
и от эпох других,
с историей, прослеживающей
выживание, тем не менее,
наперекор
всему. Здесь церкви восходят с обрывов,
чтобы их лучше слышал Бог.
Северная Армения,
слепленная из острых углов,
из помятых зданий,
где путник незванный
если посмотрит, глаза в глаза,
то обретает кров.

Здесь подставлены взгляду колоколов голоса
из рёбер старых церквей молчанием
над рекой, насупившей брови
утёсов.
Внизу бурлит вода оттенка скал
из камня цвета старой крови.
Земля тут взрослыми
нечаянно
своих детей рождает.

Здесь туча над хребтом всё ожидает
ветра,
чтоб редко плакать каплями печали,
промахиваясь то по лягушкам в речке,
то по корове,
жующей зелень медленно, в начале,
где на плато бугрится крепость «Лори-Берд».
Её останки вечность
поглощает,
ровняя
контуры травой по стенам,
землём по крышам сохранившихся строений,
чтоб, заслоняя свет,
в дыру от купола корнями дуло время.

На западе долины — красный крест,
а на скале с востока — белый.
И тысяча минула лет.
Кому вот только —
остаткам ли от этих стен или скотине?
Она всё так же спелый
щиплет корм,
довольно
мотая головой,
и плоть её не поменяла форму
в картине
пастбища (не прав был Дарвин).
Чего нельзя сказать о камне;
он так пророс травой,
что взгляд от местности его не отличает.

Нога, нечаянно
споткнувшись о булыжник,
скорей заметит старую дорогу
вниз по каньону от моста, что гордо
над потоком ещё вздымает
арку. В подмогу
памяти на ближнем повороте
врос хачкар,

ушедший по плечо
креста в коричневом оттенке
кружев.
История взимает дань, сжимая
зрителя в размеры точки.
Пар
поднимая, солнце смотрит точно
в душу
в церквях, прямой луча
соединяя окна в разных стенах.

(06-29.05.19)

СТЕПЬ

Намурлыкать про прерию что ли,
пол-лица, прикрывая платком?
Пыль. Ковыль. Разноцветное поле.
Минус лошадь с её топотком.

Плюс — блестящая кровля
сарая.
По соседству: вигвам, грузовик.
Бесконечность — прямая
асфальта,
где авто по велению ноги,
мчит куда-то, не выбирая
куда. Сальто
птицы над дальнею месой.
Суховой в понижение реки
крутит столб, пробираясь по тесному
руслу,
где вода по весне лишь, да в дождь.
Ранчо, изгородь, далее — пусто.
Или что-то растёт. Только что —
не поймёшь.

Сказка детства: арба и лошадка.
Барахлишко, винчестер, да шляпа.
Безразмерная прерия. Жарко.
Капли пота над линией скальпа.

(17.06.20)

ШОТЛАНДСКАЯ СЮИТА

Здесь богу гор поставлен обелиск.
Здесь богу ветра поднята волна.
О бесконечном мысль
отчётливо видна
с закатом солнца за далёкий мыс.
Тут звери разные когда-то бороздили лесов просторы;
теперь из фауны — лишь чаек разговоры
над рекой,
многоголосьем в окна, ночь насквозь
летающих толпой по улицам, над мостовой,
вдоль стен собора
на бреющем полёте,
чтоб врозь
рассыпаться в начале подворотни.

Из флоры — есть на обороте
стёсанного камня синий мох,
на памятниках — он же, коих сотни
расставлены — пойдя, прочти кому.
Аванс Малкольму ли за смерть, что ждёт Макбета?
Прили-отливом дышит океан в корму
парома, что пыжится на нём оставить след и потому
пока ещё плывёт. Под ветром
времени так движется волна, вздымая пенный перст,
то вверх, то вниз, как якобитский бунт.

Здесь в летописи нету плоских мест,
где можно встать, подумать, осмотреться.
Земле ли выбирать — кого в неё кладут?
Какая разница, какую форму примет крест,
когда уже не бьётся сердце?
Утёс, отвес
да памятник сраженью.
Дворец, сожжённый как бы по ошибке.
Убийством красится эпоха совершений,
и зритель — я, в ошейник
памяти засунутый по шею.

Я жидким
хлебом упиваюсь, чтоб не казаться взрослым —
жить без милосердия трудно.
А так, чуть спотыкаясь, — легка прогулка
по следам вождя
былого клана.

Шотландский остров
в бесконечности дождя
над маяком, над серыми волнами,
вздымающимися брызги в кручах рифов.
Ишак, коровы, пони, щиплющие криво
растущую круглогодично зелень. Здание
разрушившейся фермы,
за поворотом у, наверное,
заброшенной дороги.
Отроги
гор,
сбегающие в пляжи,
чуть тронуты кустами вереска — цветёт межа.
Да, в розовый узор
зелёно-чёрная на холм одета пряжа
в полоску белых лесок ручейков, что водопадами спешат
к большой воде в порыве взноса.

Песок, обломки вёсел,
части сети —
всё моет дождь, но, странно, без тоски.
Вот альбатрос,
какую дичь приметил,
ныряет камнем. Стекают белые виски
прибоя по щекам скалы у входа
в бухту.
И светит мягкий свет, что долго так не тухнет.

Я жил бы здесь, когда б к какому роду
принадлежал. Или в другой эпохе народился.
Быть может, в менее паршивой.

Молился
б на рассвете, любил подругу,
мерил время с точностью недели,
глотаю скотч, как воду,
но больше греюсь ожиданием солнца на панелях,
поставленных на небольшой вершине
и обращённых к югу.
Тогда, в конце несметного количества
забот, вдруг всё, что медлили
обнять своей любовью,
как этот край, под кожу б пробиралось.
Ни электричества,
ни интернета. Фонарик в изголовье
шаткой койки. И красота, смывающая старость.

(20-31.07.19)

ЯНВАРЬ В ПАРИЖЕ**1**

Оторваться в Париж вне сезона.
Скажем так, на три дня по музеям,
может в театр.
Посмотреть, что сумеем.
Бистро, круассаны. Клаксоны
не заснувшего города.
Жёлтый свет фонарей
над Montmarter,
низкие облака.
Не грусти, my Cherie.
Наша память короткая
не запомнит ни длинный полёт,
ни разлуки с домашними,
ни колкого
ветра над Сеной.
И не важно
куда положили в трубку скрученный
по приезду плакат,
с распечаткой картины, по случаю
купленной. Сувениры, родня —
суету можно выжить.
Год пройдёт,
но останется свет во вселенной
от того, что с тобою мы были в Париже.
Хотя бы три дня.
Знать опять про любовь и ни капли не скучно.

(06.01.20)

2

По крыше дождь.
Январь. Париж. Мансарда.
Дрожь воздуха — сплошь
импрессионизм.
Влекомый к Леонардо,
любопытством,
терплю погоду. Праздную туризм.

Зарыться
взглядом в пожелтевшие страницы.
Что думал гений, как он рисовал?
Кого он брал
себе в ученики,
и лица
чьи да как учил писать?
Черновики,
подсвеченные точно,
разглядывая, можно увидеть,
как полтысячелётний почерк
являет человеческую статью.

Маэстро человеку льстил
своей надеждой, что вот — невежда,
в фокусе
его луча,
вздохнувшей Беатрисы,
увидит кожу под одеждой,
где выточка
касается плеча.
Точил он кисточки,
чтоб полосы
теней и света, пронзившие века, мои задели чувства.
Что ж, удалось.
Я вижу, я живу, я — самый главный гвоздь
сезона собственной, быстротекущей.

Смотрю в смятении на лик мадам д'Эсте —
жены, любовницы, подруги,
рукою мастера проявленный в холсте.
Я пять веков болтаюсь по округе.
Париж, январь, мансарда — вездесущи.

(11.01.20, Paris)

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ МОТИВ

Мне нечего добавить про себя.
Я — грусти горсть.
Я — сдача под расчёт,
как вечер плохо прожитого дня.
Ни куража уже, ни отдыха ещё.
Плечо
болит и спину тянет груз.
Бесцелен серпантин крутой тропы.
Покуда не споткнусь,
махнуть в Пикардию,
где сливки «шантильи»
и «сливки» живописи вместе делят замо́к.
Где этот дождь январский —
просто ветер по ипподрому,
несущий запах
лошадей, растоптанной земли.
Где клёнов кроны —
корабли
на ряби зеркала пруда в уснувшем парке,
в котором девушки, влекомые собакой,
за ней спешат на длинном поводке.
Где мы обходим их, рука в руке
сто лет, и как вчера знакомы.

(26.01.20)

САН-ФРАНЦИСКИЙ ТРАМВАЙ

Я снова живу в городе звенящих
трамваев,
скрипяще
огигающих угол, где магазин, аптека,
оживших, игрушечных, сошедших с фотографий
прошлого чёрно-белого века.
Я опять на коленках
джинсов
наблюдаю дырки. Билли она или Ленка?
Подножке вагончика это безразлично,
железно, пóфиг.
Сжато время площадкой до степени “спешите”.
Мне к доктору. В очередь.
«Дышите, не дышите».
Без завтрака на анализ крови.

Только кровли
у этого города:
черепица,
плитка или, до сих пор, дранка.
То ли память, распорота
запахом шпал,
то ли лица
в стёклах
знакомы тем, как спозаранку
зевают.
То ли я тебя уже провожал.
Людям не отведено столько,
сколько могут прожить трамваи.

(15.10.19)

ГРАНД КАНЬОН

1

Если есть музыка из камня,
то это её партитура.
Тут течёт река в обрамлении из миллиарда лет,
там — странной
архитектуры
башни неприступных замков, где парапет
крепостных стен прорезает красной
строкой рубежи эпох.
Ну как художнику беспомощной рукой
отобразить создателя резец?
Возможно передать лишь вздох.
Здесь заусенец скальный на хребте,
что рыцарь в капюшоне — весь сухой,
нагнулся к птице с экстра
головой.
В масштабе этих гор не слышен бой сердец.
Наш разговор не состоится. Сигнал плохой.
Попробовать, что ль, текстом?

Но как уложить в sms-ку горячие щёки каньона,
неизбежность ущелий,
пророческий шёпот воды?
Как ужать в сообщение
подрезку тропы
над бездонной долиной?
Как оставить следы муравью на утёсе, отнесённом
расколом от своей половины
на множество жизней его муравьиных,
где круты
вниз идущие стены из красно-коричневых глыб?
Там, где ястреб парит,
проходя перегиб,
поднимаясь не выше колена.

2

Я выйду в ночь. Песка прохлада
знобит стопу.
Каскады скалопадов
вверх взбежали, уткнувшись кроной в звёздную крупу.
Звезда слетит.
Желание, пожалуй,
перемолчи,
о чём желать?
Здесь лунный свет по ярусам пожаром
горит в ночи.
Шатать
вселенную отсюда можно взглядом, сличив
усатый профиль великана, с картинкой детской сказки.
Но ты послушай, как, разодетый в жёлто-оранжевую краску,
ночной каньон звучит.

3

Рассвет внезапен. Верхний край каньона
на дальней стенке в вышине коричневеет первым.
Силуэты елей отсюда выглядят травой
в масштабе расстояния от дна к вершинам.
Река бездонна.
Чуть нервно
пульсирует прибой,
где белая вода шумит в прижиме.
Ни дерева внизу, но лишь кусты,
да каменный откос,
да рёбра скал, дышащие кривой
изгибов русла.
Мышиный хвост
мелькнёт, а так — живое скудно.
Дрожь воздуха напоминает, что в пустыне,
помимо путника, всё остальное — пусто.

4

Я — путник. Я веду своё судно,
маша вёслами по складкам седой реки.
Я послан своей прихотью.
Я смутно,
вопреки логике, понимаю цель своего старания,
но как свет на выходе,
разветвлённо проникающий под каменные мосты,
я — единственное оправдание
наличия у каньона измерения красоты.

(06-16.11.19, Grand Canyon)

ЛЕТНИЙ ТАНЕЦ

Июнь. Жасмин.
Вечерняя прохлада.
Подрагивает первая звезда,
проглядывая
в облаке над тыном.
Прямо
под ней — плеяда
перелётных птиц,
присматривает верные места
для продолженья рода.
День стынет
неторопливым
опусканием ресниц
у горизонта на веки туч,
чтоб после суеты замкнул сургуч
заката.

Жасмин плывёт и память, виновато,
выносит на его волне твою фигурку.
Сквозь четверть века — это очень кратко
и бесконечно. Это кофе в турке —
«Горячий. Осторожно. Дунь!»
Какой-то садик. Долгая прогулка
по дорожкам
насквозь.
Другой жасмин и будущего запах.
Всё, возможно,
уже сбылось.
Так нынче может пахнуть только прошлое —
жасмин. Июнь.

(04.06.20)

СУХОЙ СЕЗОН

Горят леса Килиманджаро —
вздохнуть не смочь.
Колотит кашель острым жалом
по лёгким. Ночь
пятнами краснеет от пожара.
Далёкой Африки беда по новостям.
Туристских графиков разломанный костяк.
Добавить что? Отменены билеты.
Осенний сад, покрытый пеплом
пруд.
По всем приметам
сухой сезон и тут
у нас в разгаре.
По праву ветра,
что не сожгут —
сгорит, когда само решит.
Деревья — свечками на городском бульваре
так, что домами в горле запершит.

Горят калифорнийские посёлки —
вздохнуть не смочь.
Стыдится ночь
румянцем в стёклах,
что кавалера дочь.
Мелькает зарево в глазах девчушки.
Нет дня,
есть жёлтый вечер.
И есть испуг.
Зарёвана, оставлены игрушки,
бежит огня.
На человечесий
караван ложится пепла пух.

Горят снега Килиманджаро
и плачет лёд.
Пылает почта, к ней ближайший
ресторанчик. Который год

как повторяются кошмары.
Неукротимы —
огонь и ветер.
Шумит беспечное столетье
под равнодушное круженье шара
в кольцо из дыма.

(20.10.20)

ПЕЙЗАЖ С БЕРЕГА

Так ли, скажи, выглядит покой?
Луна, костёр, звезда над рекой.
Шумит речка сквозь
небольшой порог.
Кружка, огненная вода и в ней тоже бог.
Подбирает гитара в горсть
о своём.
Недалече люди,
и они шумят, кто-то из них вдвоём.
Счастье было ли, будет
или вот оно?

Что ночная усталость,
когда в глазах рассвет?
Если заодно
с ним эти блики огня,
то, стало быть,
любовь на все сто
закричит ночной птицей,
повторяя слога
песенки, у которой мелодия длится.
Пока.

(21.10. 21)

MARDI GRAS**1**

Я стану неучем истории.
Забуду имена, не вспомню даты.
Просторы
времени, тем сбережённые, вдохну в трубу,
чтоб терции синкопы строили,
морщины разогнав на лбу.
Чтоб, виноваты
в ночи хмельной,
мы возвращались на рассвете,
льнаной
накидкой прикрываясь, в шальном
такси конца столетья.
Чтоб упрощались, сокращаясь на боль,
числитель лжи
и знаменатель жизни дней.
Мой саксофон в руках дрожит,
когда мелодия нежней
моей, ведома парюю влюблённых.
Им в спину дышат миражи
тем хриплым голосом Луи про долю Долли.
Им клёны,
в едва набухших почках,
машут
ещё костлявыми ветвями. Мне, что ли,
захлебнуться джазом
в попытке плыть за парой строчкой?

Парк, берег, узкая дорожка, прохлада.
Дрожит туман над Миссисипи.
Взвесь сыпью
капель на футляре.
И, равнодушная, в тиаре,
мисс с кожей цвета шоколада
шагает на работу в Сити.

(11.02.21)

2

Двухэтажный городок,
скованный танцем решёток, —
пуст.
У прохожей на голове платок
или шапка
или ещё что-то.
Под маской не видно уст.
Фестиваль -
отменён. Шавка
на поводке поднимает лапку —
всё это течёт к реке.
Куст
переживает февраль —
в холодке —
зеленеет злость.
Нью Орлинс.
Календарь и вирус, на бытие забивают гвоздь.
Городок пересчитывает часы,
вывесив паруса из бус.
Улицы пусты.
Замкнуты джазовые кафе плюс
сторожащие их менты.
Пауза тишины даёт прорасти траве
там, где её раньше топтали
продавцы, туристы и так далее.

В поисках фестиваля,
который украли,
ветер гуляет в парусах
из игрушек
на вторых ярусах в фасадах
из витых балконов.
Городок — как не сделанная карьера
капризной крали,
в туши
упрямых слёз, приемлющей всех, кроме
своего Ромео,

но преисполненной морали.

Так, едва ли
красавица, выросшая на французской брынзе,
в холода откажется от каблучков, убивающих пятки.
Но, пока время убывает из жизни
быстрее, чем средства со счёта банке,
то — всё в порядке.

(15.02.21)

ВЗГЛЯД С СЕВЕРА

Горизонт за Полярным кругом
больше, чем он же к югу.
Видимо, кривизна Земли умножает
пространство.

Флюгер

аэропорта, посадочная полоса — клякса
озера, застланная лилиями.

В нём - перевёртыши облаков, линиями
набегающие на берег луга,
заполняют взгляд летом так же,
как зимою заравнивает его выюга.

В разное время года
один и тот же приём природы
срабатывает безотказно
на глаз, всегда трудно
ищущий голубой просвет в незакатном
небе.

Лесотундра —

это повесть про зиму,
где в развязке сюжета выжившие ели,
опущенными ветвями
охраняющие трясины,
оголодавшие звери,
да в атмосфере слоями —
северное сияние.

На закате туман.

Горы в чёрном, вдруг одетые в красный.

Август.

День подкусан на четверть, хоть он и полярный день.
Театральный обман,
где закат от восхода отстоит лишь на 90 градусов,
подтверждая, что шарик вращается чуть набекрень.

В остальном
это всё про воду, прибывающую рекой,
дождём,
какой
струйкой по рукаву или ещё чем.
Даже чайки, бормочущие части речи
над подобьем причала,
даже тень твоя, пожимающая плечами
и вопрошающая у вечности:
«Зачем?»

(18.09.20)

* * *

Мы пили пиво в Дрездене на берегу речки
и смотрели на взлетающие воздушные шары.
На них наши несерьёзные речи
улетали в космос и там к вечеру
превращались в обитаемые миры.

Ведомые слогом,
мы творили число, как умели.
Пена по уголкам рта смеялась, отражаясь в глазах улыбкой.
За неё нам промахи сходили с рук.
Но если воздушный шар, привязанный стремной
верёвкой,
взлетал не вверх, а вдоль, боком,
то своей, ещё зыбкой
формой он напоминал земной,
расчерченный на параллели.
И к нему было не подобрать звук.
А число тогда обозначало убытки.

В тишине мы ошибались, неловко,
обрекая наши творения на вечность
без достижения совершенства.
Пара дервишей,
мы шутили под пиво над шумевшей
речкой. Пришельцы
на необитаемой планете, летящей боком.

(05.09.20)

УКУЛЕЛЕ БЛЮЗ*(Гавайские мелодии)***1**

Медленно плывущий кадр:
нить контура
прибоя.
Рисунок в облаках,
шторами
одевших иллюминатор.
Тропические острова — раскроем
вышивки по коже океана,
покрытой цыпками барашков —
вот вся палитра.
Как странно
взгляд оценивает рай,
когда не над, а под усталым телом.
А предвкушение спелых
манго, чем не молитва?

2

Всех новостей, что продалось поместье
ушедшего в тираж
известного певца NN.
Под слом и перестройку.
У нового владельца
другие планы на причал и пляж.

Тень знаменитости, что тут в прелестных,
набегающих волнах купалась,
сменилась неизвестной,
но не менее богатой тенью.
По праву джунглей, оказалось,
что бурные растенья
привычно поглощают всё,
едва входя в прикосновение
с водой. Дома,
остов моста,
костёл,
машина, брошенная у дороги,
хлам, коим житель насорил,
здесь зарастает за сезона два,
от силы три.
Что остров победил,
ты понимаешь, мучая газету —
толста
рекламой и пустых пустей.
Видать, от постоянных новостей
освобождают перебои с интернетом.

3.

Закат встречает
низко, наискось,
летающую чайку.
Цветок гибискуса
покорно слушает эфир,
чуть шевеля листьями-лепестками
в попытке вздоха.
Вдруг, спайкой
к раю,
наверху возникнет радуга. Прямой
соединяя
горизонт с предвестниками ливня —
облаками.
Под ними, раздвигая пеной тьму,
прибой
на дальних рифах
ухает
часами,
что без стрелок. Безразличный ко всему.
Aloha.

(19.02.20, Kauai)

ШУМ ТЕЧЕНИЯ

Под тем коричневым пальто —
капрон чулок, на ножках —
туфельки-фасон.
Клаксон
такси, зелёный трёшник
до метро. Платок
от холода — оставлен только нос.

А время крутит, что позёмка на снегу,
трясёт авто да в унисон
гудит проспект.
Летим на скорости,
под нами зелёно плато,
в углу,
где горы,
отражающие свет.
Потом бежим: сандали, шорты,
смуглость плеч,
по бесконечности
хребтов, цветными ярусами прямо к облакам.
Монтаны небо, отнимающее речь,
и речка,
шьющая долину, как по лекалу,
сквозь редкий лес по берегам.

Зачем-то были: город, шум трамвая,
вставанье раннее,
наверно, на работу.

Грибные грозы над рекой туманом,
плотным,
закрывают тайну
геометрии вершинки близлежащей.

Что общего меж нашей былью
и настоящим?

Шумит река, не зная, что есть миля
по перекатам,
лишь мы взрослеем, молодея безвозвратно.

(01-5.09.21, Flathead river)

К ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

(Галапагосские этюды)

Заповедник

Искушённого
путешественника больше интересуют не места,
а их обитатели.

Занесло меня, однажды,
на Галапагосы.

Грозы, влажность,
красота,
старательно
отчёркнутая бровями пляжей,
как лицо кокетки,
разглаженное улыбкой,
которая чуть стервозна.

Ветки,
наполненные птичьим базаром,
рыбки
в рифах и на тарелке с ризотто-салатом.
Экскурсовод — он же импресарио:
— Выступают гигантские черепахи и ящеры!
В партере — крошечный
городок.

В сторону от маликона — заброшенные
стройки, ящики,
бамбуковые изгороди, детские игрушки,
помойки, проросшие травы.

Заповедник: олуши —
клювы, крылья, множество ног,
небесного цвета, игуаны,
чья кожа — оттенки лавы.

(Не наступить нечаянно.)

Пеликаны, фрегаты, простой нырок.

На стенке — Дарвин.

Он описал больше, чем я встречаю.

Насмотреться бы впрок.

Я живу с другой стороны забора.
Я — приносящая часть экосистемы,
авиа-волнами набегающая с просторов
материка
сюда, где каждый на своём месте.
Нарушая законы островка,
я курю в тени водяной цистерны,
опираясь спиной о плесень.

Эдем

Ангел храпит на другой стороне постели.
Луна над морем стесняется за чадрую туч.
Островок Изабелла, где мы не успели
отдохнуть. Ключ
от лучшего номера в дорогом отеле
позвякивает на карабине
по пути на уснувший вулкан.
Из кабины
грузовика в мороси, сквозь облака
угадывается всё, что не досмотрели.
Обещанием невозврата о скалы бухает океан.

Естественный отбор

Переехать на острова.
Стать служителем парка,
охранять пингвинов,
считать поголовье котиков.
Завести местную не-овчарку.
Вписаться в жарящий пейзаж
и жить оставшуюся половину.

Но опечатан переложенный багаж,
везомый лодкой
с острова на остров.

Венец творения всегда подозреваем в воровстве.
 Что в документах? А вдруг просто
 всплывающий не тот, кто выплыл? Причина злости —
 эволюции тупик,
 где все в родстве.
 Я духом сник —
 четвёртую проверку
 на расстоянии ста метров прохожу.
 Я жду,
 чтоб в паспорте ещё одну отметку
 поставить.
 Плачу налог наличными без спора.
 В октаве
 имени: "сеньор", "сеньора" —
 не разобрать. Что эволюция, что смена поколений?
 Процесс отъёма денег у населения
 до совершенства доведён.
 Прямоходящих новый вид встречает понедельник.
 Плати и уезжай. Палящим днём
 несём, что не отнять, — и это впечатленья.

Подвид

Внезапное движение щегла
 глаза глотают с тихим удивлением. Горит щека
 от солнца поцелуя.
 Деревья гнутся в канопе
 лиан, рисуя
 в воздухе фигуры, как будто бы причудливых зверей.
 Танцует свет,
 перемещаясь по тропе.
 Там, где скала кончается кустом, скорей
 границы нет.

И выбор весь — корпеть
 над книгами иль жить размашисто
 в природе?

Вся эволюция свелась к одной породе —
к созданию зрителя, что в полной немоте
вулканов кряжистых
внимает красоте.

(14-21.04.21, Галапагос)

ВЕСНА В ДОЛИНЕ

А небо над Долиной Смерти — в снежных пиках,
и тихо

так, как может только жизнь,
из зимней спячки пробуждаясь, тикать,
вздымая миражи

озёр над солью суши.

Я слушаю

пустыню — шмель на цветущем кактусе,
нависшем над обрывом.

Взор перепрыгивает

высохшее русло,
направляясь на перевал,

где в ярости

там крутит ветер всё, что не порвал

внизу. Искусно

так песком заносит, что ещё не пусто.

Здесь всё про прошлое:

эпохи — цветом на прожилках гор,

деревья Джошуа

вздымают кулаки, качают лица.

Здесь каждый шаг клубится

в небеса оттенками бессилия живописца

поймать узор.

Я брошу дров,

привезённых с собой,

в скупой костёр,

извѣянный из дрóжи.

Пустопорожних слов

молчание разложит

простор

из звѣзд. Сухой прибой

над дюнами склоняет из песка знамѣна,

что, лопаясь

у времени в плену, стучат в его причал.

По гребню из-под ног стремится высота,
бросаясь в пропасть,
где волнение качает
авто корабликом в порогах дна каньона.
Когда бы красота
пронзала болью, то я б кричал.

(03.04.21)

СОСНЕ

Тебе, наверное, годочков шестьдесят.
Но жук напал и порешил.
Теперь костяк
твой высится над серою скалой.
Пришит к вершине
жёлтой хвоей
приговор: закат, отбой.
Тебе не стоит
оставлять зелёный низ
ствола.
Коль верх погиб, коль он повис,
то, зная, опора не смогла
остановить собой жука.
Ты, please,
прости, что поднимается рука
обрезать будущие не века.

Здесь будет пень и будет мох и,
может, гриб.
А мог бы лес твоих
потомков и могли б
они шуметь зелёной хвоей
на ветру.
Но жук как рак и всё такое.

Поутру:
садовник, мельница опилок,
шум пилы.
На свежем срезе покаяние смолы.
Подстилка
игл хрустит под жёстким башмаком,
что твой мороз.
И вроде всё.
Ну, разве может, пара брёвен

на костёр
отлóжены,
накрытые мешком.
Когда без крови,
то убийство не всерьёз.
Но почему же я слезу растёр?

(19.01.21)

СНЕГОПАД

Горная деревушка,
засыпанная по колено белым.
Под снегом: крыши, дорожки, церквушка,
восходящая в небо.
А он продолжает сыпать.
Господи, красота какая!
Лепит в лицо,
кожу колет, тает.
Улица
то ли летит, то ли теперь
плывёт, просто накренившись. На цыпках
забежать на крыльцо,
дёрнуть дверь
в тепло. Ввалиться
в тропики пустынного отеля.

Ночь. Зима. Камин подрагивает пламенем в фойе.
Отдельно
друг от друга незнакомцы — постояльцы.
По комнатам скрип половиц, вполне,
случайными шагами, как пальцами,
достойн джаза,
что дует в такт из радиосистемки.
(Жилища стенки,
навскидку глаза,
собранные лет сто пятьдесят
назад, наверняка слышали то вживую.)
Кресел спинки —
облокотись, присядь.
Эклектика: век, полтора?

В углу шифрует
время старое пиано
и странно
смотрится кора
обоев вместо краски.

По зданью ощущение тряски
от поезда, гудящего ночным.
Трещащие дрова
печным
зверьком здесь, в паре миль
от шумного фривея.
Штиль.
Отсутствие за стойкою портье.
Снег продолжает за стеклом.
Как крутится! —
похоже, ветер свирепеет.
Остыл камин, и с ним остóв
гостиницы поплыл по темноте.

Уйти на холод улицы,
где запах табака.
Ку́рится
трубка, издавая пых,
да крúжятся снежинками века,
рождая стих.

(19.01.22)

ЯПОНСКИЙ САДИК

Сегодня влажно.
Ветер шепчет в листьях
потоками воды.
Отважный
муравей перебирает быстро
по коре,
чтоб не уплыть.
Набухшие пруды, сады,
дорожки. Крен
неба в тучах без краёв.
Ничто не предвещает конца
пути. Он достаёт
из пропасти до кромок стен,
встав вертикально.
Он тельце
в талии сгибает круто.
Он тащит в муравейник крошку.
На колоссальные
отвесы с ней восходит, не теряя.
Его трудов минута,
что жизни день в моей. Я наблюдаю
его дорогу сверху. И понемножку
прозреваю.

(29.07.22)

ОСТАНОВЛЕННЫЙ РЕЙС

БЛЮЗ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТ

Уехать, скажем, в Сан-Диего
под пальмы,
к югу, по любви,
чтоб в декабре опять в сандалиях
в телеге времени явилась негa.

Чтоб, с видом на американский флот
вдали,
курить на пляже в нарушение знака,
где бёдра и живот
твои
прилипшим покрываются песком.
Пускай, однако,
видят в свой морской
бинокль моряки
красавицу;
за нею пароход на рейде,
меж островами.
Пускай, отливу вопреки,
баркас старается
на берег к бунгало под рыжей крышей,
где цапля длинными ногами
роет пропитание.
Пусть в свете
разноцветном перед тайной
Рождества
в гирлянде ель.
(Чем городок южнее, тем эти ёлки выше.)

Уехать от. Из цёлей
волшебства,
реальность заменяя на надежду.
На то, что книга без листа
с сюжетом прежним,
покажется, осмысленно проста.
Уехать, скажем,
в горы,

в заповедник — смотреть красоты,
убежать людей.
Разнообразием флоры,
формой кражей
пустоты
заполнять в восторгах дней
быстротекущих.
Всё лучше,
чем на севере, где тучи
да мокрый снег над множеством огней.

Где жизнь застыла, масками набычась,
сложилась так, что можно только вычесть.

(28.11.20)

МЕХАНИКА

Death sets a thing significant
the eye had hurried by ¹
(Emily. Dickinson)

Пляж останется тем же пляжем,
минус отпечатки твоих подошв.
Смерть — это пропажа
из мира, который продолжится,
как был — ни плох, ни хорош.
Крошево
из вещей, фотографий, просто
любительских фильмов,
дóма, худеющего кровлей
от тоски по хозяйской руке,
требуется свидетеля или
наблюдателя, осознающего их сиротство
и живущего невдалеке.

Добавить ещё к этой квантовой
сущности смерти,
что наблюдатель должен знать умёршего.
Иначе вещи, дома, и подобные тверди эти —
всего лишь пейзаж,
превращающийся,
при поднесении огня к сигарете,
в пену, выброшенную на тот же пляж,
в водоросли, бутылки и другие entities.²

Искусство
твоё, неподвластное квантовой механике
пережившей хозяев мебели,
наличием не фантомно-рэненого
читателя — зрителя,

¹ Смерть придает значение вещи, ранее незаметной взгляду
Эмили Дикинсон (англ.)

² Сущности (англ.). Здесь: предметы.

вдруг робко оживляет, Эмили,
тебя, своего творителя.
Так девушка, скользящей походкой
идушая по песку
босиком, по кромке,
икрами раздвигающая воду,
напоминает о Боге,
позволяя смотрящим немногим
пережить тоску,
оставшуюся от Его ухода.

(07.06.21)

CARNEVALE

Мне смерть глядит в глаза
над масками прохожих
и ветром шьёт по коже.
Чтоб руку не подать — стреножит
мысль. Курсив людей без лиц,
где я неосторожной
кляксой
на страницах
улиц.
Я жадность к жизни — нарушение границ.

Я память о былом, чему сейчас не место,
как звук трубы, сломавшей Иерихон.
Я будущий соблазн, пришедший не в сезон.
Как пресно
наблюдать безгубую невесту
с безротым женихом —
явилось б это сном.

Кино-ужастик, клип, где я невольный зритель.
Историей сюжет
от времени затёрт.
Кому б вернуть билет
и, чуть пригнувшись, выйти?
Но в клипе появляется ещё один актёр.

(28.07.20)

ВЕСНА И ВИРУС

Мор

1

Вот послан мор. За что? Узнать ли после?
За слово, за открытие какое,
за поведение, вышедшее косо,
боком, за всё плохое?
Иль просто так?
Дверной косяк
скрипит, разбуженный доставкой почты.
Эфир приблизился —
тень кризиса
всё перекрыла точно.
Возможность, впрочем,
есть набить косяк.

В эпоху вируса,
чумы, внезапной смерти
самим собой остаться, в клетки
карантина выжить,
в долгу у тех, кому не повезло.
Услышав струйки, бьющие в весло
Харона, — выжать
насухо в себе шуршанье страха.
Статистики, нестойкое число
вчераших жертв, с размаху,
не проверив,
продолжить суету, гулять терьера
и уповать, что, может, пронесло.

(25.03.20)

2

Ветер с веток на крышу наносит
шрапнели дождя —
что стаккато разлуки и горя.
В этот год високосный —
затяжная весна
и в истории
доселе невиданный мор.
Разговор
бьётся пульсом о новости смерти.
Календарный простор
заполняется цифрами бед.
Третью неделю — закрытые дверцы
в ресторанчике на углу.
Свет
мелькнёт — луч-иглу,
продевая сквозь мокрые тучи, —
Заиграет природы убранство.
Жаль, свобода пространства
придавлена страхом.
Это ль случай
по времени тихо скользить, опираясь на память?
Наступившая Пасха
в семейном кругу.
Хорошо, что живых удаётся поздравить,
хорошо, что покуда я их берегу.

(09.0420)

3

Этой весной ушедшие возвращались птицами,
не боявшимися меня.
Я был открыт, чтоб спицами
лучей
вязало солнце на душе заплаты.
По окончании дня,
я ночью плакал, —
и мор не смел дрожанье плеч
нарушить.

(25.03.20)

ГОД ПЕРВЫЙ

Мадонна заперта
с младенцем. Без исхода.
Притих Египет, поражённый казнью.
Лишь ножкой шевелит дитё
да камера
выкладывает в сеть движенья праздник
по воле кода.
Свобода
отнята. Оставлено питьё,
да интернет. Подавленный Иосиф,
один без всех, за океаном расстояний,
проигрывает клип. А после
наливает и подносит
ко рту. Но отставляет.

Станным
младенцу кажется наказанное время.
Он не по дням растёт, не по часам умнеет,
и ножками сучит, что в гневе топчет
летающую по воздуху отраву.
Мадонна сухо кашляет,
но, отвернувшись, правую
грудь подставляет — прочее
не важно.

Он громче
сделает пришедший клип про бэби.
Сыр на мацу — под это точно выпьет,
поведя рукою,
крякнув, чуть выпрямляя спину.
Отметив, что над царством карантина
звездой надежды в низком небе
проходит «Боинг».

Другую
стороной своей явилась вера, падре.
Само собою образуется лекарство
от болезни.
На что правители? На что им царство?
Итогом всех известий —
мадонна в кашель там опять, за кадром.

(04.05.20)

ИНТЕРЛЮДИЯ

Всё свелось банально к балансу между экономикой
и страхом.

Сижу в карантине с томиком,

почитываю

или подсчитываю

тени в статистике заражённых,

размышляя о будущем, когда, потеряв протяжённость,
стану прахом.

В настоящем же, как показал один парикмахер,

уставший от пустоты в наличности,

боязливое общество в конфликте со свободой
личности,

в конце концов, посылается ею на хер.

Наедине с природой,

человек — это только свои привычки.

Ценности до неприличности

меняют своё значение

так, что прямая речь, сходя с языка,

вдруг выплёскивает изречение,

минуя кавычки.

Свысока

глядят птицы на притихшие города,

где мы кружимся по дорожкам парков.

Птицы каркают:

«Вам куда?

Мы проводим». У пруда в ряске

отражается девушка — модное бра,

короткие шорты, ножки, подведённые ресницы,

лицо — в маске.

«Мы проводим!» — каркают птицы.

(16.05.20)

ZOOM

Давай соберёмся
толпой единиц и нулей
на дружеский митинг.
Хоть эта реальность дана в ощущение глазам.
Пульсирует, бьётся
портрет без теней
в разделённом на части экране.
И выйти
из комнаты в ночь покурить — только сам.
Нас странно
пугает текущее время возможностью смерти.
Пускай не сегодня, ещё далеко горизонт.
Только вертится
мысль, в тверди
лба углубляя морщины.
Да забыт вкус ризотто —
по известным причинам
закрыт ресторан — где только на вынос
теперь наливают «pression».

Так чокнемся, друже!
Так выплеснем пену наружу.
Пусть кнопки залипнут,
как мы, неуклюже
обнимем друг друга, похлопав по спинам,
в компьютерной луже,
навечно при жизни застынув.

(20.04.20)

ЕВРЕЙСКИЙ ДОМ

Ну что, Марленочка, туманный Сан-Франциско?
Коронавирус.

В дом престарелых не пускают даже внуков.
Всё развалилось.

А ты, как в детстве, снова в группе риска —
при встрече, значит, ни щеку, ни руку
не подставить. И слова не с кем.
Всё по-английски.

Что эпидемия?

Видали много хуже!

За окнами, снаружи —

зима, а всё светло, и видно, как тени
выросших деревьев на тротуарах —
дрожа, теряют листьев кружево.

Несовместимость траура
людей с природой тем объёмней,
тем контрастней, что, кроме
опустевших улиц да пешеходов в масках,
особых признаков у смерти-то и нет.

Марленочка, нам столько лет.

Война, разруха, ласки,

твой с импозантным выцветший портрет.

Мы глазки

строили. А сколько же нам было?

Семья, заботы, дети — как у всех.

Немного пыла

ещё осталось. Вкус на ужин, на смех
с подругой, на книжку перед сном.

В ответ

на страх мы заперты листом
указа на стеклянной двери,
ведущей в комнат ряд.

Всё без толку. Должно быть, первый
случай уже давно. Лишь нам не говорят.
Искусственное лёгкое, поверьте,
такая гадость. Трубка внутрь.
Какой-то грипп. Ни поскользнуться с выси,
ни упасть на кухне, разбивая утварь.
Ни даже случай под трамваем.
Да, так бывает,
что развязка смерти
не тянет на масштабность жизни.

(13.04.20)

* * *

Человек состоит из оставленных за собой вещей.
Из плащей,
ключей и вообще
из всего, чем, дорож́а,
обрастает тело, живя на месте.
Плюс из известия
о тела смерти,
ползущего, как пожар
по сухой траве,
по электронной почте,
сообщениями на мобильник
и прочими
способами, стучащимися извне.

Несомненно
наличие неумирающей части,
вызывающей жалость.
Части, что была, есть и пребудет.
Она дополняет тело, особенно в старости,
когда полной грудью
уже не так дышится, как дышалось.

Ещё люди,
не все, а лишь некоторые,
состоят из любви.
Сначала к точёной фигурке за векторные,
стройные ножки,
за извивы
волос,
ещё за что. Потом
уже просто,
невзирая на потухшую кожу,
в голос не задавая вопрос —
заштопаннные
носки — как объяснение в чувстве.

Устье

ручья, чьи воды размывает морской прибой,
не ведает постоянства своих берегов,
где струя смешивается с волной —
они бессмысленны.

Лишь вода — мутнее.

Человек — берега, высланные
вещами. Живёт, как умеет,
оставаясь памятью про любовь.

(19.09.20)

COSTA DE MORTE

В городке, не попавшем на карту
большой страны,
мы гуляем без масок
и кажемся всем странны.
Опускаем глазки
к асфальту,
туда, где вода, где в ней
ножки отражаются постройней.
Мы заразны
смертью,
наверное, и давно.
В круговерти
дней мы течём, позабыв про дно.
Но поверьте, жители городка,
чем брать
наши деньги, лучше — не умирать.
А пока, целовать
туда, где щека,
хорошо избегая губ.
Не бояться жить, не стесняясь плыть в облака,
обогнав испуг.

Городок гудит, словно улей пчёл,
и осенняя шумит по нему гроза,
и поток течёт.
Я обнял плечо. Губы на глазах —
пусть любовь прочтёт.

Только карта оборвана с уголка,
где название напечатано городка.

(13.09. 21, Spain)

ТУРИСТ

Я виноват, что выжил. И что дальше
опять в сабвей, на самолёт и к морю.
Я временщик,
не отслуживший мальчик,
переболевший корью.
Всё кроме
времени, одолженного на смерть,
теперь лишь память о тебе и мне
про жизнь короткую, как, сожжённая наспех,
вязанка дров в огне.

Но что теперь с виной мне делать этой,
как заплатить, кто принимает счёт?
Кружится зло над брошенной планетой,
чуть красной от стыда, по кромке щёк.

Тот красный цвет, с прищуром азиатским,
непросто смыть — года пройдут ценой.
Я брошусь в море — микву искупаться,
во искупление перед той виной.

(21.06.21)

* * *

Ну что, мой Санчо? Пять веков спустя —
ни мельниц, ни доспехов, ни копья.

Лес точно стража,
собрана в конвой,
обрыв каньона с высохшей рекой —
пейзаж бумажный,
замок из вранья.

На что бы, Санчо, это променять?
Быть может, ранчо, доброго коня,
и всё опять сначала?

Мы опоздали. Хлопаем штаны —
в каком кармане есть ещё табак?
Всё, что звучало, —
только эхо фальши.

Мы строили, а оказалась — жгли.

Опять эпоха,

где мы не нужны,

где лишние. Что дальше?

Платок — капитулянтский флаг,
привязан к локтю.

Будет под рукой лицо прикрыть, когда б в какой кабак,
где похоть

и порок, и нищета души.

Как получились, что мы тут себя нашли?

Столетия вертятся, паршивые собой.

Прости мне, Санчо, что тебя вовлёк.

Какая мельница —
не победить. Отбой!

Мир — пепельница
жизни.

А небо, так же всё недостижимо,
особенно, когда ты мотылёк.

(26.08. 21)

ФРАГМЕНТЫ КАТАСТРОФЫ

ТЕРРИТОРИЯ

1

Платить и плакать, в плат укутав совесть.
Больничные палаты до краёв наполнить.
Отдать на горсть
любви,
чтоб в ненависть по пояс
суметь вступить.
Опять
покров позора —
белеет красно-синий флаг,
неровно
прикрывая собою ямы полость.
Свободы акт
в финале
светит светом красным.
Метель металла
замела пространство.
Гражданская война,
и время вспять.
Притих Майдан.
Урчат бронемашины.
Лиц лишены
солдатские шинели.
Своя орда — не Чингисхан.
Бронежилет не защищает шею.

(15.02.22)

2

Полузабытый проходной киевский дворик.
 Квартира, принадлежавшая ещё прабабке.
 Лапки
 цветущих каштанов. Вкус сладкой
 черешни сегодня горек.
 Конечно,
 об этом надо бы в силлаботóнике,
 чтоб, как набат, разméрный ритм звучал.
 Моя ж печаль —
 в разломе подоконника,
 на кирпичах,
 торчащих прямо в воздух,
 на невзначай
 попавших в кадр обыденных вещах.
 Без роздыха
 огнём плюётся гидра
 по человеку.
 Что нового вещает этот век?
 Чьи жизни вирус выдрал?
 А чьи — убийца
 снова тащит в клетку
 иль босиком на снег?
 Какие лица? —
 Рожи! А пропаганда? — Геббельсу не снилась!
 Какой у лжи
 успех в текущем генотипе!
 За сотню лет мутация прижилась.
 Явилось быдло, с быдлом в свете.

Затихнет гул, когда взорвут подмости.
 Наверно, выживет в пещере краб.
 Диктатор, раб,
 Помпея - слой извёстки,
 да археолога нехитрый скарб.

(02.03.22)

3

Меня часто спрашивают, откуда я,
 в разговоре поймав акцент.
 Я отвечаю
 не сразу, черпнув печали,
 покраснев, думая:
 «А есть ли рецепт
 от стыда за язык?»

Почему инструмент божий
 больше не зовёт правдой?
 Почему я сник,
 взгляд вниз?
 За что краску
 не отмыть с кожи?
 Ложь в словесности
 отравой
 разъедает смысл.
 Хочется прикрыться каской,
 взять автомат и отупеть от ненависти.

I am often asked by
 strangers where I am from —
 sounding like a foreigner, and so on.
 Today I take pause
 to brave a breath
 before an answer:
 “The accent is, sadly, Russian, yes.”

(04.03.22)

4

Мне жаль людей погашенной страны,
идеей страшной выжатых на бедность.
Мне жаль культуры, брошенной во рвы,
под танки,
жаль словесность.

Мне в свалке
мусорной
искать и не найти:
ни имени, ни званья, ни приказа.

Да, трусы мы! —
о Господи, прости
за эту фразу.

Дракон в агонии, горит земля в беде.
Успеть лишь конному спастись за перевалом.
Дитя и мать отправлены к Тебе,
ужели мало?

Куда брести
обглоданным войной,
чтоб обрести достоинства покровы,
сжимая зло в протянутой горсти,
от Слова
отлучённым, Боже мой?!

(09.03.22)

5

Там толпа мексиканских манго,
чуть сутулых, в больших сомбреро.
И песок под ногами — манка,
а девчонка на нём — Венера.
Там рыбалка и свежий окунь,
покрывающий дно баркаса,
полоснёт, словно солнце в окна,
чешуёй по движенью глаза.
Там огромное небо с морем
переходят одно в другое,
где идут над волной прибоя
только птицы в цепочку, строем.

Мы когда-нибудь непременно
будем пробовать соль от пены,
вместо соли от слёз губами
и сотрём свою тень со стенок
дома, с выбитыми глазами.

(12.03.22)

МАРИУПОЛЬ

1

Я помню, как умирают в театре:
падают в намеченной точке сцены.
Спотыкается бой
барабанов, замирают литавры,
гобой.
Над телом
наклоняется падре,
софиты смещают тени.
Отстучав концами сидений,
оаций звучит прибой.

Но это не шум ладошек,
то стены сошлись в поклоне,
балкон обвалился в ложу,
осколки стекла — софит.
Нáсмерть, не понарошку —
замысел посторонний,
в нём зрители стали прошлым.
Под кровлею похоронен,
неписаной драмы скрипт.
Ужели сюжет возможен?
Зачем тебе они, Боже?
Вон та и та, и вот этот, похоже,
ещё хрипит.

Их раскопают когда-то,
когда утихнет бомбёжка.
Солдаты
возьмут носилки,
лопаты,
экскаватор выделит мэра.
Просили
же, чтобы мимо, молили
всем миром люди,

но зяткнуты уши судьей —
им бесконечно сложно
что-либо просто слышать средь бесноватых сфер.

Кружётся позёмка пыли
в видео с телефона:
кусок декораций, камень,
под ним — непонятно что.
У жизни глаза застыли
и больно
от сказочки, ставшей былью.
Я раненый, мне бы с ними.
Подставить б своё плечо.

Мне умирать на сцене
по пьесе,
где нет антрактов.
Я мести
призраком, тенью
портьеры вуаль откину.
Пусть автор,
злодей боится непережитых мгновений.
Вот он подставляет спину,
народ подставляет спину...
Но нету во мне прощенья!

(22.03.22)

2

Но как закрыть эту страшную книжку,
отложить и заняться жизнью,
если это красное лихо
наяву и никак не стихнет?
Полостная по нервам рана
кровоточит и, право,
пóлно
говорить себе, что не больно.
Говорить на наречье óрков
и мечтать, чтоб все орки —
сдохли.

Чтобы в кронах деревьев птичья,
не снарядов звучала песня.
Чтобы в створке
окна над горкой
лишь закатом краснело небо.
Не безличным
стыдом за язык молчало,
не прощая
нам к русской речи слепой
ненависти в отчаяние.

Извергается горло стоном,
восходящим в глухие выси.
Как мне выжить, захлопнув кожух
от айфона,
на моём уничтоженном
прошлом?
Выжить ныне, пускай не присно.

(24.03.22)

БУЧА

Я пью навзрыд.
Смотреть отказываются глаза.
Я взрыт,
как полоса
земли после бомбёжки.
На дробь отчаяния-на-ненависть умножен,
я тоже —
житель тёмного подвала,
я пешеход с расстрелянной дорожки,
где трупы, брошенные
как попало.

Надежда лишь, что всё ж московский князь
враз попадёт под суд и казнь.
Что страх и кровь его камнями
встретит площадь,
на месть за дѐло.
Три всадника, что топчутся конями,
сгинут.
За перевязь
четвёртый своего смирит, чтоб гимном
жизни — взорванная роща
зазеленела.

Я жду возмездия,
коль не застрелен Бог.
Пропавшим без вести
не выбирать дорог.

(14.04.22)

THE SHIRE ¹

Трудно складывать, когда из тебя вычитают.
 Вроде бы,
 давнее прошлое
 не вызывает боли.
 По-английски родина —
 motherland.
 В советском крошечке
 мама из Киева, а я вот то ли москвич,
 то ли
 американский поэт.
 Личное
 это теперь имеет другое значение.
 От похорон культуры
 выживают лишь национальные черви.
 Рабы. Они плывут по течению
 в реке времени
 и фигуры
 их исчезают в истории, обречённой на
 повторение.

Война захлестнула Пасху.
 Просели
 колокола храма.
 Воздушной сирены голос — вот и вся литургия.
 Где весна подняла поросль — яма,
 где сказывалась сказка —
 погибель.
 В прицеле
 ракет — Одесса.
 (Проклятые всех не сбить — летят быстро.)
 Небесные ангелы чистые
 пришлют крылья —
 принять в сонм местных.

¹ Как мы помним, хоббиты населяли "The Shire" (Средиземье), ну а орки жили в Мордоре

Вознесётся мадонна в небо
с трёхмесячным бэби
над набережной,
над памятником Дюку,
заваленным мешками
с песком.
В слезах ослепнет
от ненависти вера в рок,
нисколько
не видя протянутую ей руку.
С виском,
отмеченным красным,
возле погибнет Бог.

Смолк
очередной налёт. Городу
опять раскроили
череп.
Плети ракет догорают на фасадах по комнатам
разбитых домов.
Вечереет.
Вверх, вверх поднимают убитых крылья.
Ветер открывает в черноте саж
полотно картины.
Порт.
Спины
подъёмных кранов.
Переплёт
улиц в обрамлении пляжа.
Понт,
разбивающийся о скалы Украины.
В красной пене — так рождаются страны

(04.05.22)

РУССКИЙ СТАМБУЛ

Парочка
 толкает перед собой коляску.
 Вдоль дорожки
 кипарисы, пинии. Облачка.
 Краски
 средиземноморья сочетаются с платьем.
 В плоскости
 жаркого горизонта, кстати,
 озерко,
 похоже с фламинго, —
 розовые
 пачки
 на лапках, грациозные
 движенья — дивно.

Так где-нибудь в Турции,
 на животноводческой ферме-зоопарке,
 смотреть на лемуров,
 под крики фазанов млеть на солнце.
 Покупать двухлетке подарки,
 считать с ней куцых
 баранов,
 в конце прибавляя барана-спонсора.

Порциями
 терпения измерять время до расставания.
 Собирать малонужное
 по магазинам
 и слушать
 детское завывание,
 переходящее в натужную
 песнь предрассветного муэдзина.

Избалованное дитя пожилой мамыши,
 не виноватое в жизни с её гадким,

войной пугающим
настоящим,
припавшее на игрушки,
визжит, привставши,
в кровати,
под взглядом будущего.

(07.05.22)

ВРЕМЯ ПОКОЛЕНИЯ

В эпоху постправды
разумность прикрыта враньём.
Мы по мостику лжи
переходим стыда водоём
и спокойную жизнь
выдаём
за хорошие нравы.

Зная точно — неправы.
Понимая — гордиться тут нечем.
Это время краснеть, от бессилия плакать.
Беспечные победили.
Тьма — это не тогда, когда вечер
опустит копоть,
а когда рассвет над поколением исключили.
Игнорируя пакость,
ладоши снова привыкнут хлопать.

Совесть
найдёт компромисс
с источниками дохода.
Только после
имитации любви —
всегда непритворно холодно.
Я смотрю вниз
с высоты полёта мёртвой души
над кручей
тела. И вижу, как спешит,
звенит,
надрывается колокол над ним —
беззвучно.

(31.10.22)

KISS ME IN THE LAVENDER FIELD ¹

Какой был май!
И запахи, и вина.
Любимая
с улыбкой на глазах.
В коврах
из маков — горные долины.
И, только в сердце — страх
за Украину,
волною вверх и в брызгах — в прах.

Что на губах
лавандовое поле,
наш поцелуй, отставлена война?
Княгиня Ольга, — Киевская воля, —
как жить безбольно,
женщина-страна?
Что на весах,
что перевесит орков? —
Культуры шмат,
подпорченный войной.
Локальный «Ту би-Шват» —
полки в пригорках.
Молитвы вечен бой.
Какой был май!
Изгнать бы ненависть из сжатых ею лёгких.

(04.05.22)

¹ Поцелуй меня в поле лаванды (англ.)

* * *

Будущее,
как ограничены у тебя пути?
Как незначительны
цели, к которым они ведут?
Я выращен,
как ни крути,
в рабской земле.
На свободный не пригожусь труд.

В стекле
отражается за моей спиной —
царь орды.
Я зажат стеною
с зубцами красными, все в крови.
Рты
открывают мои сверстники,
но из них лишь вой: «За царя!»
Оторви
руки от ушей,
слушай, ты будущее
не страны — местности,
как тебя творят.

(23.05.22)

* * *

Отменить культуру всё-таки не получится.
Она выживет. Никуда не деться.
Но, вероятно, исчезнет страна.
Увянет, скуксится,
как Древняя Греция,
оставив за собой имена
героев, поэтов и прочих.
Предъявляя на... или под... горою
взгляду лишь обточенные
веками руины.

Постепенно на четверть, наполовину,
упростится язык.
А потом и вовсе уйдёт в песок
времени,
потеряв стык
с реальностью.
Через поколение.
Через два. За ненадобностью.
Наше будущее — музей:
доценты, исследования, диссертации.
Сей
доброе, вечное, твори!
Будущая культура — вне нации.

(01.07.22)

НЬЮ-ЙОРК

Июнь. Нью-Йорк.
 Какая пена платьев,
 мельканье плеч!
 Шёлк
 юбок. Парк,
 прозрачный
 воздух. Лай собак.
 В закате
 краски предвещают ночь
 нехстати.
 Усталость — прочь!
 Жасмин плывёт дурманом,
 где над коктейльным перезвоном
 парит луна.
 Там легкомыслие царит обманом
 в толпе вагонной
 под выдох дня.

Живёшь хмельной, оставивши печали,
 забыв про долг.
 Бросаешь мелочь.
 Саксофон, вещай нам,
 лишь бы не смолк!

В огнях неоновых реклам вращает
 площадь
 беспечный полк.
 Когда б я смог
 встать анонимной крошкой
 в его ряды?
 Но вой сирен над Харьковом,
 но дым и смог,
 пронзивши шар,
 доносят запах.
 Першит в груди.

Я харкаю.
Горчит хот-дог.
Иди, бреди
в питейный бар.
Охранник в чёрном — не гестапо!
Июнь. Нью-Йорк.

(28.06. 22)

ЧЕТВЁРТЫЙ КВАРТАЛ

Тридцать лет назад и секс
 был другим, и масштабы будущего не пугали.
 «Сенигалия»
 не просилась на карту
 и текст
 под картинками в «Плэйбое»
 был ни к чему.
 Голубое
 было лишь цветом неба,
 на котором, опершись на парту,
 мы облака рисовали.
 Мы тусовались
 на кухне, ещё не предпочитая корчму.

Занимаясь собой, бизнесом, мы проморгали историю,
 проснувшись однажды в рабстве, которому
 нет конца.
 С этой кражей
 свободы оказалось, что мы построили
 карточный
 домик там, где система ценностей не совпадает с
 нашей —
 красочной.
 Чужая списана с чекистского образца.

И теперь, в четвёртом квартале
 этой быстротекущей
 мы — бездомные новосёлы,
 не понимающие язык.
 Пересаженные не в кущи —
 в чужие страны.
 Убежавшие, в чём застало,
 навсегда невесёлые,
 не принявшие простых
 объяснений катастрофе.

В нашем мире, упрямом, раненом,
но ещё не раздолбанном на части,
есть и «Биг Мак», и картофель,
и не боящиеся власти
свободные люди с несломанными рёбрами.
В чужом и далёком стане
они продолжают обычную круговерть,
не ведая, что когда придёт смерть,
она застанет их не собранными.

(08.07.22)

НОВОГОДНИЙ ФРОНТ

А под конец года пришёл шторм.
Наверное, чтобы смыть кровь
и позор
равнодушия.
Всё, отправленное в ров
червям на корм,
засыпать снегом.
Ибо в белом кружеве
исчезает шанс на повтор
по цели выстрелить из оружия.

Человеком
проще оставаться, когда в тепле,
в сытости
и с перспективой на завтра,
чем когда в вырытом в земле
блиндаже,
в сырости,
где небеса — травка,
или в разбитом здании,
там, где от артобстрела балки провисли,
приходя в сознание,
когда память уже
не удерживает
произнесённые мысли.

Мигрень, метель, термометр ниже нуля
начнут новый год
с девственного пейзажа:
поля,
слепающие чистотой нетронутой прелести,
и даже
ручья вода,
застывшая в полёте брызг пряжей.
Только у ненависти
градус не опускается в холода,

да в бурю не угадать
направления у снаряда.

Буржуйка опрятна,
насколько можно — труба в окно,
картон, где стекло разбито,
не согревает трёхкомнатную в трескучий.
Нет света, всё сложно
с бытом,
но вдруг на полу заблестит пятно —
сквозь тучи —
от Звезды Рождественской пробился лучик.

(30.12.22)

МЕКСИКАНСКИЕ ЭКЛОГИ

ПОПЫТКА К ПОБЕГУ

На жёлтое жаркое солнце,
где жареный окунь на жертву к обеду,
где на жёрдочке птичка зовётся
(а кто его знает, как эта порода зовётся?) —
уюду.

Там люди с открытым лицом,
не стесняясь, по пляжу
гуляют.
И в платице девушка с кожей солёной —
загар над рубцом,
безрассветно знакомым,
что даже
подушечки пальцев его вспоминают.

Там треском
цикады оркестру
пытаются вторить.
Веранда, огни, ресторан,
выходящий на море.

Собирай чемодан.
От заснеженной ночи
убегай без оглядки
туда, где гобой обещает порочность.
Где тряпки
одежд дорогих одноразовы,
то есть одно-сезонны.
Где жёлто-зелёно
по косточке режется манго,
чтоб после размазанным
быть по губам поцелуем.

Я рисую
желанья картинку.
Здесь, на севере зимнем,
противном.

Это небо над Мексикой
никак не вмещается в рамку,
ну, а купленный персик,
с невызревшим вкусом,
надкушен впустую.

(20.12.20)

ОКНО НА МЕХИКО-СИТИ

Уют кварталов в полусумраке листвы
влекут века на вздыбленных корнях.
Кто позабыт гербами на камнях,
в прошедшем времени окажутся правы.
Травы,
разбуженной пролившимся дождём,
не мять босым ногам,
не собирать в настой.
Не знающий, каким служить богам,
Пойдёт вслепую не за тем вождём.

Пустой
стоит раскрашенный дворец,
колючей проволокой
прикрытый от страстей.
Здесь прёцель
к пиву предпочтёт Кортес,
полтыщи лет спустя, позвав гостей.
Как мало проку
в пушках и войне!
Победа позже:
безымянный камень, лес могил.
Цвет кожи
через сотни лет, вполне,
расскажет лучше — кто кого любил.

До дрожи
свет, что пропускает вниз листва.
Фигурка девушки дорожкой бежит.
Бомжи
протягивают руки для родства,
и песо что-то покупает для души.

(19.08.22)

PUERTO PENASCOS

Пуэрто Пеньяско.
Чуть наискось —
песчаная трасса,
ведущая к пляжу.
Продавцы сувениров:
поклажа
их навешена на плечи,
руки растопырены,
у некоторых лица — в масках
на широких скулах.
Перемещаются, переваливаясь по песку.
Далее — вымытые волнами скалы.
Вечер.
Время Пино Колады.

Шоколадное время
заката.
Тает в глазах лазурная дымка прибоя,
за ним, над волною
накрénено облако.
Прикрытое им, виноватое
солнце целуется с морем дорожкой,
в барашках от ветра рябю.
Дорожка кончается около
босых ступней ножек,
стоящих на кромке
камней.
Из отмеренных дней
веет вечность покоем.
Чуть отчёркнута чаек строкою,
продолжается жизнь под твоею поднятой рукою.
Под моё восхищение ей.

22.11.21 (*Puerto Penascos, Baja*)

SAN FELIPE

Между пивной и «Ла Вакитой»
дорога ниткой
режет пляж.
От солнца шляпкою прикрыта
смуглянка: ножки, даль, пейзаж.

Переживая Сан-Фелипе,
под кружку с пальмой на холме,
где, рукотворный, он насыпан
над полем гольфа. Где вполне
пространство моря в окна вхоже,
где ширь отлива икры гложет,
покуда до глубин дойдёшь,
я был однажды... Светлый боже,
ты память эту не тревожь.
Пусть будет чистая страница:
embarcadero ¹, юбки, лица,
баркас рыбацкий вдаль стремится,
и грузовик: колёса-спицы,
корыто
лодки на прицепе
и бирюзовой глади дрожь.

Между пивной и «Ла Вакитой»
в прицеле
объектива, чуть размыто:
собаки, мусор, арка взмыта.
Шумят, торговлей перевитый,
базар, заправка, магазин.
Среди покупочных корзин
кружится Мексики сомбреро
над кактусом. Над тем, наверное,
что местное являет древо
и сотню лет цветёт один.

¹ Набережная (исп.)

Что ресторанчик «Ла Вакита»?
В нём ресторанщик — волокита,
видать, бывал до всяких дам.
С тех пор обрюзг, стареет сам,
но обаятельный, каналья.
Ему б в кино,
его б снимали,
но в Сан-Фелипе — где ж оно?

Окно
и рядом стол накрытый.
В волнах играет la vaquita.¹
Закат лучами пики выткал
на панораме дальних гор.
Пивная, громкий разговор
стекает пеною по кружке,
о чём — не разобрать — не русский.
Вдоль моря розовеют спуски,
простор
вздыхает ветра сушью
по преходящему в насущном.

(07.03.21)

¹ Разновидность дельфина

РИВЬЕРА МАЙЯ

Древние майя верили, что человек был сделан из кукурузы

Из рюмки тянет запахам агавы.
Февраль над Мексикой
склоняет пальмы в пояс.
И происк
альбатроса над тарелкой,
где стол накрытый,
упрощает нравы.
(По телефону текстики
безделья.
Здесь южный полюс
в представлении сеньориты
издалека, залётом на неделю,
с его жарой, что нравится кокетке.)
Луны дорожка, приходящая на конус,
в барашках волн светящиеся клетки.

Здесь танец с карточкой
заводят официанты,
не по ранжиру барина представив.
(Под ветром кофточка
на девушке взлетает
и вновь пристанет,
лишь порыв утихнет.)
Мы — меценаты,
если так прикинуть,
нельзя нечаянно
ошибаться с чаевыми,
ничем не выйдя,
ни лицом, ни телом грузным,
у барной стойки над салфеточным молчаньем.
(Шаг вдоль, шаг в сторону, вращение плечами.)
Лишь пеликан, пикируя отважно,
стал однозначно понимать по-русски.

Потомок майя ест початок
кукурузы —
una cerveza
или dos¹ — уже неважно.
Гитара под сомбреро. Джаз ночами.
Ривьера Мексики, исполненная песо.

(01.03.18)

¹ Одно пиво или два (исп.)

LAS CABOS БЛЮЗ

Городок, приколотый
бабочкой
рыжих крыш на гербарий горбатых гор.
Радующий глаз прикол
стройных конечностей в тапочках,
от уголков бикини
к щиколоткам, где пробор
песка.
И, прикинь, над ними,
над розовыми хребтами — Рождественская звезда.

Щёлкая замками,
торговец сворачивает киоск украшений
и фруктов.
На шею
повешенный поднос — безразмерной книгой.
Взгляд в море Кортеса.
Пальма, подметающая закат над бухтой.
В основании ствола: амиго
с гитарой, сомбреро —
нимбом.
Сбор туристского песо.

Без интереса
к людям, принимающим меры,
пеликан наблюдает движение рыбы.
Его ужин шевелит плавниками
на подносе прибрежного мелководья,
какая-то будет первой.
Остальные — останутся, испуганы облаками.
В природе,
подчинённой законам пищи,
жизнь — это искусство не оказаться нищим.

(09.01.21)

MEXICO CITY БЛЮЗ

Августовский Мехико-Сити.
 Автомобильный смог,
 пришитый нитями
 дождя к островам строений.
 Пресытившееся
 отбросами вороньё,
 вспугнутое,
 покидает растения
 сада.
 Гостиничка. В фойе выгнутые
 стулья, ворсистая
 обивка в контраст наряду,
 твоё
 летнее платье чуть выше коленей.

Дождливый Мехико-Сити.
 Шины хлюпают в лужах.
 Дырки в дорогах не ужас —
 норма.
 Вздрагивает прохожий.
 Опять взлетает ворона.
 Названия улиц — блёклы.
 Непохожие
 друг на друга цветные домушки кружат
 прозрачную жизнь сквозь стёкла
 оконных рам.
 Вечер в Мехико-Сити.
 Ресторанчик, ананасные дольки.
 Музыкант, выдыхая в маску,
 поёт под баян.
 Вы сидите.
 Глазки
 в меню, но столько, сколько
 хотите, никак не выпить.

Ночь
 над Мехико-Сити

раздвигает всё, что можно
раздвинуть, едва кончилось ведро.
Прочь
от земли, в небе
осторожно
облака открывают звезду
в зените.
В её свете внизу
в неге
красавицы разводят бёдра.

Эпоха гордо
подымает ввысь
столбы стволов — столетние колонны
деревьев, что мысль
о времени презрев в своей спеси,
несут собор под куполом листвы.
Как вдруг пронзает вены,
пучит
кровь сирены
полицейской звук
(на терцию от «си»).

Здесь лучше
мóлится своим, не посторонним,
не выходя за поколенья круг.
Богам плевать, как выглядят кресты.

Нескучный
город —
джаз над Мехико-Сити.
Седой саксофонист в надорванной
рубашке плывёт звуками по узкой улочке.
Над ним — Спаситель
разнимает тучи.

(14.08.22, Mexico City)

РАЙСКИЙ ПОСЁЛОК ¹

Пустыня, пляж
и пальма на холме.
Для вышедших в тираж
и тех ещё, кто не —
вполне.

Тут можно слушать тишину,
ко сну
с закатом отходить,
чтобы уплыть
в восход, забрасывать блесну.
Чтоб плыть.

А что ещё дано творить
здесь на земле? —
Смотреть футбол, записывать стихи,
любить,
потом отмаливать грехи
и умирать в тепле.

Гора, что птица в розовом пере,
страхнёт закат
на фиолетовый, расцветший в ноябре
засохшей дюны скат.

(30.11.22)

¹ Ejido Paradiso (исп.)

ГАРМОНИИ ОЙКУМЕНЫ

СМЕНА

Ну вот, дорогой, и мы рудименты в наступившей эпохе.
 Сполóхи
 из прошлого в тени от Берлинской стены.
 Из квартир с обоями.
 Скоморохи
 историй, требующих предисловий,
 которые мало кому нужны.

Ну что рассказать про среднюю школу в городе Энске?
 Как курили бычки, прогулявши урок?
 Как дерзко
 дразнили девчонок и как не по-детски
 страдали от первой любви?
 Про грибок
 на дворовой площадке,
 под которым портвейн из горла?
 Про модную чёлку с зачёсом набок?
 Про бои
 с беспощадной
 тропарёвской шпаной?

Я в краях,
 где вовсю почитают орла
 с белёсой, как снег, головой.
 Ты всё там же, где мы на паях
 покупали бухло,
 и твой снег — настоящий.

Поколение наше вошло
 кто в долги, кто в правители, кто в диссиденты,
 кто в ящик.
 Кто на что посягал —
 сократилось на бандитов хамло —
 кто сумел — тот за славой на сцену.
 Телевизор и тот — рудиментом:
 по компьютеру смотрим футбол
 и плохой

интернет как неважный сигнал,
только вот самому не настроить антенну.

Мы кому-то нужны,
и немногими даже любимы.
Но полвека спустя принимаешь, что горстка друзей —
это всё, что дано.
Все, кому не чужды
в этом поезде дней,
проносящимся мимо,
где в одно успеваешь всмотреться окно.
Что ценней —
прямота иль лукавство?
Пусть уходит моё поколение — я с ним не знаком.
Что пожнёшь — то посеи,
и не сетуй,
что всего-то досталось богатства —
в горле ком,
на который идущий за нами — бедней.

(24.10.20)

СТОЛЕТИЕ

Мысли
мои все о тебе. Только никак не могу понять,
чем ещё кроме них тебя обнять?
Виснут
дожди на стекле окна моего,
а у тебя там волна океана, прибой.
И зачем разлука
эта ссутулит плечи,
когда б не для взгляда внутрь?
Простукивается поутру
в виноватом кашле
брошенная в спешке грубость.
Я курю забытую тобой пачку,
и в клубах дыма дальше
нашей встречи
ничего не видно.

Я кричу
В пустоту, что тоска — глупость.
Только эхо разгадывает слова легко,
раскладывая их на бытовые темы.
Там, где жизнь катилась раньше
йгоровым полком,
теперь она течёт ручейком,
едва задевая стены.
Не раскрашены,
чёрно-белы тянутся пересохшие берега.
На них скупостью своей плодоносит
собранная в одинокие стога,
нахлынувшая наша осень.

(29.10. 21)

* * *

Я, неизбежности ухода подчиняясь,
предпочитаю быстрое прощанье,
а после —
долгую размашистую скорбь
тем нескончаемым,
по капле, расставаньям,
сминающим горб
одеяла возле
разбросанных медикаментов.
Мы взрослые,
чего теперь стесняться слов?
Там, впереди —
лишь прошлое.
В лаборатории любви среди
её экспериментов —
всего большее опыт смерти.
На день девятый, ненужное, заброшенное
убирая, вдруг слышишь птицу.
Необъяснимо сердце
делает проскок. И вот
ты рядом, но она не улетает. Не боится.
И говору её не нужен перевод.

(15.12.19)

ШАРМАНКА

Мороженщик на старом тарантасе
проедет мимо. Музыка шарманки.
Мы выбежим,
догоним, купим. Я в шароварах,
в шлёпанцах. Мы лижем,
кусаем.
Сладкое течёт по подбородку.
Мы в первом классе
средней школы.
Мы большие
и взрослые, и денег звон в карманах,
той желтоватой мелочи тяжёлой.

Прошли века. У этого мгновенья
не оказалось вечных атрибутов —
но вдруг мелодия,
как есть, без изменений,
включает: солнце, улицу. И куртка
твоя летит по ветру
платицем коротким,
открыв колени.
Машинка покидает подворотню,
её спешим догнать у перекрёстка,
чтоб снова сладкое по подбородку.

Дом престарелых. Солнца блёстки
от стекла подъезда
плещут на газон,
пронзая тень от тучи.
Сестра толкает кресло
на колёсах через кочку.
Музон
по радио совсем достал.
Сменить канал —

хоть слушать новостную сводку,
всё ж лучше.
Старик опять, похоже, плохо спал.
Взгляд в точку,
да в слюнях весь сам,
по подбородку.

(25.05.21)

* * *

Декабрь дождями плывёт по щекám.
Кипарисы намокли,
прощенье
за солнце прося.
И долго ли, коротко ли,
дни проносятся блёклые,
принося,
вычитаний курсив на счётáх.

Наше время роняет слезу на прилавок добра.
Ни спросить, ни купить,
ни с собою забрать.
Из ребра
моего ты проснись в предисловье утра —
то ли солнечный луч, то ли нить —
ухватись и, довольно утрат.

Как мне просто наврать
про цветы восходящие в май.
Но топочет декабрь по крыше,
срывается в шквал.
Принимай
и терпи — вот и всё, что умеем.
Остальное не вышло.
Обнимай
и целуй поскорее,
покуда Всевышний
ещё не позвал.

(21.12.20)

ОБОРОТ

Возвращаясь в места,
впервые увиденные тридцать лет
назад,
обнаруживаешь, что пустота
заросла свежим асфальтом,
ресторанчиками, где за обед
взимают столько, сколько
нельзя просить без стыда.
Что вода
кристальна
в пруду,
где по берегу раньше паслись стада,
а теперь девушки, щебёчушие ерунду,
в коротких платьях смущают взгляд.

Возвращение
в былые места —
это надежда, что ощущение
от повтора сотрёт время,
выделяя кусочек чистого листа,
на котором, наверное,
будет что записать тайком.
Порожистую реку, берега каньона
в скупых лесах.
Второй шанс
найти, что в себе незнакомо.
Распускается цветком
петелька памяти,
застрявшая в твоих седых волосах.
И тогда все, что было,
добавляет силы
встречать всё, что станется.

(11.08.22)

ПЯТНИЦА

Ты зачем-то лишил меня тапок,
мой глупый щенок. Я теперь пробираюсь, босой,
по колючкам
двора.
К моим пяткам
пристала кора
на смоле, обронённой сосной,
и, по случаю,
лист прошлогодний, не принятый на перегной.
Ты так тявкал
на белку
с досады,
пытаясь допрыгнуть до ветки,
мой мелкий герой,
что развеялся сон на рассвете.
Даже кофе не в счёт.
Я с больной головой
у компьютера сяду,
но, что ни открой,
засыпающий взор не прочтёт.
Не заметит.
Только ты не при чём.
Виноват в этом я. Побежал по делам.
А тебе? А тебе нипочём.
Мне в быту непростом
суетливые танцы плясать.
Ты виляешь хвостом,
мол, заботы уже пополам.
Мы пойдём
на прогулку, ты влезешь ко мне на плечо,
чтоб оттуда рычать на большого соседского пса.

У тебя по усам
пробегают понятная дрожь — за прогулкой
ужин.

Ты служишь
и смотришь в глаза.
Одиночества кружево
тишиной заплелось в нашем гулком
дому, на полу разлеглось,
но потом испугалось, что ты его будешь кусать.
Ты заканчивал кость,
вечер носом прижался к ночи.
Я молитву сказал. Я зажёл две свечи.

(23.08.19)

ПАСХА

Добрый вечер, хозяйка.
 Вот на праздник сухое вино
 и всякое
 съестное к столу. Вечереет окно.
 Скоро время свечей
 и молитвы.
 Из вещей
 твой, тогда позабытый
 платок —
 принимай возвращение.
 Что нам казни Египта?
 Здесь апрельский стучит водосток.
 По тому, как прикрыто
 разбухшее время водой, всё диктует другое прочтенье.

В сухомятную тень эвкалипта
 отойти от стола,
 чтобы, выпитый,
 выкурить воздух.
 Море капает вниз, расступаясь по форме ствола,
 нам слова,
 утонувшие в чуде, — уже не найти.
 А последняя казнь, ты прости,
 не описана в прозе
 истории.
 Ты меня отпусти.
 Мы проспорили нас.
 Раздувать угольки, что уже растрясли?
 Да и стоит ли?

Всё, старушка, — глаза не сумеют соврать,
 лишь словами пустыми обнять остаётся.
 Мне в пустыню —
 тебе во дворец, чтоб послать за мной рать
 на восток против солнца.
 Время в летопись стынет.
 Но не сетуй,

что я не дрожу
от неточности фраз, где не будет о нас.
Я придумал народ и его увожу.
Не преследуй,
прощай. Мы в грядущих веках
разминёмся с тобою не раз.
Если ж вдруг совпадём
в измереньях,
как сейчас — не рискнём.
Пусть другие тебя понесут на руках
через свадьбы порог
к переменам.
У тебя замечательный дом.
И зачем тебе старый пророк?

(05.03.21)

LAUNDROMAT ¹

Четверть доллара в пятикратном своём повторенье,
барахлишко в корзине, на колени
опущенной.

Отпущенного времени
ускользание из грядущего.

Из присутствующих —
симпатичная девушка
с мешком детской одежды плюс ещё
одежда в охапке,
видать, нё во что
запихать остатки.

На стулья разделённая лавка
посередине,
вдоль стен — машины,
стирающие каждая на своём режиме.

Ни о чём таком не завести разговора.
Вспоминаю, что малыши —
это здóрово.
Барабаны машин
вращаются. От повтора
поворотов очищаются вещи.
Пре-вращением жизни происходят дети.
Плещет,
выливаясь, вода под днище.
Два квотера (сполоснуть) ещё разыщем.

Плети,
перекрученных простыней, едва
она открывает крышку,
выпадают на пол, так вышло.
Наклоняется уложить: голова,

¹ Laundromat — автоматическая прачечная самообслуживания.

тонкие плечи,
 грация,
 стройные ноги, талия.
 Богатство —
 это наличие времени, далее
 оставшегося, на жизни вечер.

Королева — днём и не на работе.
 Стирает бельё не себе, конечно.
 Да точно знать
 так уж важно?
 Я подброшу последний квотер —
 орёл, решка?
 Чуть небрежно,
 с юностью: " Как вас звать?"

В последней машине крутилась блузка.
 И на ней, кажется,
 не осталось пятен.
 Героиня моей сказочки,
 где конец невнятен:
 она говорила по-русски.

(27.06.21)

* * *

Я куплю тебе рай.
Напечатаю временем звёзды.
Над морским горизонтом повешу луну на
восходе.
Чтоб по лунной полоске,
уводящей за край,
можно было б вернуться, как бы не было поздно,
туда, где в природе
вокруг проплывает лишь запах жасмина.
Где воздух,
мой друг, переносит росу,
и где сполохи
гроз вдалеке над пустыней
освещают нам путь
за морскую косу.
Не уснуть.
Нам, романтикам века, отказано в счастье без
денег.
Меркантилен творенья венец.
Я куплю тебе рай,
потому что зачем ремесло,
если сказки счастливый конец
обрывается тенью?
Как зачем эта жизнь, если в ней победившее зло?

(11.09.22)

ЙОМ-КИПУР

Господи, только бы всё успеть,
прежде чем позовёшь!
Певчему — слушать медь.
Нищему — тратить грош.
Что ж
от того, что пока дышу,
ежели не тобой?
За грешника попрошу
ломаную строкой.
Дай не покой,
нет.
Что нужно мне — знаешь сам.
Свет
ниспошли, чтоб принять смог,
да силы придай словам.
Смог
рассеки лучом,
и я по нему пойду.
Любимой подставь плечо
и отведи беду.
Я поживу ещё,
гордыню мою прости.
В горсти
твоей — чёт-нечёт —
доброму не отмсти.

(04.10.22)

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пора использовать вещи, сбережённые на потом.
Жизнь подходит к концу.

По тому, как опорный понтон
уже залит водой, —
видно крен.

Но пока я тебя по лицу
узнаю, но покуда с тобой —
время тянется без перемен.
Его хватит ещё на одну историю
про добро и зло,
где героя, которому
в конце концов повезло,
не съедает дракон.

Где в обмен
на любовь наступает верность,
а счастье — лишь результат труда,
не самообмана.

Где размерность
причин не требует вопроса.

Да
и сделанного не жаль, если смотреть обратно.
Как просто
скрасить сказкой набегающую позднюю осень —
пусть твоя хандра не сойдёт за её улику.

Плоскость
между нами соединит линия улыбки.
Я пойду по ней в рассеянном
рассветном свете,
превратив в осколки старую кофейную чашку.
Не сетуй,
это наше
право начинать жизнь в Воскресенье,
чтобы ничего в ней не приукрашивать.

(01.11.20)

* * *

Сильве

Ты любила спать, завернув голову под переднюю лапу.
Так спят только щенки,
наигравшиеся друг с другом,
а не выросшие собачки.
Холодным носом ты будила утром,
касаясь щеки.
Приходила на зов без награды. Не любила палатку.
От незнакомых никогда не принимала подачки.

Мы с тобой разговаривали, не открывая рта,
так, что душа слышала другую душу.
Безразмерная струна
была натянута между ними.
Твоя грация и редкая красота
тормозили спешащих, мимо
идущих.
И тогда мир становился на толику лучше.

Твоё тело ушло.
Но мои ладони навсегда запомнят
мягкое ощущение от волн шерсти,
дрожь мускулов, твоё тепло.
Моя вселенная теперь стала меньше.
В ней появилась ещё одна дыра,
которую не заполнить.
И необходимость во времени и в воле,
чтобы в неё перестать падать, теряя суть,
прислушиваясь в ночи к твоему храпу.
А когда же настанет день и моя пора,
то пусть твоя стойкость к боли
да пребудет со мной, помогая уснуть,
завернувши голову под переднюю лапу.

(23.11.19)

* * *

Где-то пролегла граница,
за которой всё кончится.
Останутся лица
на фотографиях. Полчища
воспоминаний.
Когда бы знать,
сколько ещё
отведено нам свиданий,
встреч, рюмок,
научился бы считать,
по-другому пожимать руки,
слушать звуки.
Научился бы жить жадно,
заглядывая в глаза,
чтоб потом о сделанном, да не жалко.
Где-то пролегла полоса,
за которой к имени
добавляются цифры
разбившегося о рифы
времени, ставшего теперь в линию.

(30.10.22)

ПУТЕВОЙ ЛИСТ

В перспективе почти ничего. Лишь дорога, как водится, в песне.
Тот остался, те вышли.
Обернёшься — пустые места.
Наш автобус трясёт, да за окнами всё неинтересней,
а от вышки до вышки —
пропадает сигнал, перестав.

Мне простые слова всё дороже на каждом подъёме.
И чем дальше, тем, кроме
простых, не находится слов.
Но разлука короче,
когда ленту пути представляешь в объёме,
где по кромке обочин
разлился цветочный покров.

Поколение
уходит наверх, прорастая стеблями.
И от запахов этих в груди
прозревает слепой.
Я покинут. Один
на сиденье,
окружённый нулями,
чтоб когда я сойду, за собою оставить любовь.

(08.09.20)

ЭНДШПИЛЬ

Зачем же лгать, целовать словами,
пускаться в лесть,
в надежде долгими ночами
ту вышнюю подсказку
разобрать?
Не легче ль врать,
чтоб слов не перечесть
в попытке для любимой сделать сказку?

Прекрасно
жизни терпкое вино
под вкус осенних листьев на глазах —
ажурное рядом —
природы шах,
гонящий на другую полосú
фигурку вдруг уставшего монарха.
Колибри — незаметная помарка —
защита пешкою,
стряхающей росу
в проплешину
вечнозелёного куста.

Да есть места,
прикрытые секвойей, —
пространства, защищённые ладьёй,
как листьями засыпанные хвоей,
где в сумраке на паузе житьё.

Сменить бы полосú, остановить игру,
ход записать и засмеяться в рост,
среди чёрно-белых перекрестий поутру,
найти незанятым пространство тех полос.

Сменить бы полосú...
Мимо кофейни,
где беседа тонет в пенке «латте».
Вдоль тени

от ресторанчика,
 где разговора продолженье
 было. Катясь по колесу,
 раскачиваясь
 от движенья,
 взгляд залатывает
 дырки на одеяле города,
 и в нём отсутствие твоё всё глуше
 стучается в латы
 времени.
 Лишь хороводом
 листья — лица кружат
 в памяти, где нет меня.

Сменить бы по́лосу —
 тут шах и мат неумолимы.
 Морщины
 хлещут по лицу без грима,
 и я уже немногого прошу.
 Я к полюсу
 любви приблизился на ход.
 Здесь сказка врёт,
 я лишь произношу.

(14.11.20)

БУРЖУА

Где-то там, где всё вечное
расчерчено
по великому плану,
может, у какого ангела
жизнь дала трещину
и он пропустил, что я не прохожу под планку.

А может, дело было просто к вечеру,
а не как положено — спозаранку?
Оставили на потóm.
Позабыли. Так и живу, не особо знача,
не открыв какого закона,
не совершив подвига.
Если есть что — трачу,
Вот ведь как —
иногда с размаха.
Да благодарю Всевышнего за достачу.

Уехать в Та́хо,
где вчерашняя метель
свежайший снег по самые колени
набросала.
Где пленные,
в застывших каплях, опахала
кедров
скрипят мелодией несмазанных петель
под ветром,
пахнущим то снегом, то весной.
Уехать в Тахо.
Снять пустой
просторный дом с джаку́зи
с баром и с бильярдом.
Чтоб радоваться рядом
с любимой музой
иль с какой девахой,
что сошлись бы.

Да утром рано не вставать
и в гости ангела того позвать,
чтоб угощать его со вкусом.
Да слепо верить, что он — ангел жизни.

(29.02.20)

* * *

Ты уехала. Кофе безвкусен.
Резок табак.
Нокаут кино не спасает, но так
прожигается пустошь из грязной посуды —
свидетельства грусти.

Ты в городе том,
с которым простился давно
навсегда,
потому как
не тянет в его невозможную сякоть
обратно.
Там нарушена
клятва
моя о тебе.
Теперь только вижу снаружи,
как время смывает вода.
Лишь памяти пятна —
и я спотыкаюсь о них при ходьбе.

Утешаясь, глотаю фруктовую мякоть,
перепутав с прохожей твоё
отраженье
в фонтане.
Здесь юг прорастает цветами
на юбках, спешащих в движенье
по парку,
где это виденье нелепо.
Только чёрная птица поёт,
потерявши умение каркать,
про город, придавленный небом.

(07.01.22)

ВЫБОР

Как говорить с девчонкой на пороге материнства?
Мелькает слышимое слово перед божьим.
Раздвинулись границы
языка.
В них невозможен
стыд. Грядущее присутствует, пока
незримо,
и судит необра́мленным в глазницы
взглядом.
Зачем мы здесь, когда бы не за Этим?
И кем хранимы,
если не Всевышним?
Так над весенним,
ещё спящим, садом
в преддверье мыши
ухает сова,
да полнолуныя свет подробно смотрит в нишу,
выхватывая: грех, кровать,
фасад
от хижины —
спектакль давней встречи.
Кто храбрым был, а кто сегодня смел,
когда сплетенье тел —
глаголом высшей речи
звучало вслух?
Чтоб, отломав щепоть,
мел
той луны просыпался в питье,
и дух
смог опуститься в бытие,
благословляя человечью плоть.

(18.03.19)

НОКТЮРН

Одинокие мысли в канун одинокого тела.
Ты уехала к югу.
Улетела
к востоку. Навестить ли подругу
в её новостройке,
или повод другой.
Моя мысль о тебе, дорогая, течёт без восторга
ручейком, не рекой
и, постольку поскольку,
проживаю один, то не ведаю долга
перед ямой желудка,
чей ужин смещается в завтрак,
апельсиновой долькой
уплачен
к рассвету.
И шутка
ли молвить, что тряпка
у входа не решает проблемы жуткой
грязи от лапок
собачьих?

Сказать по секрету,
я уже перешёл за границу немытой посуды.
Одинокое тело не требует столько ухода.
Я уеду на «вдруг порыбачить»
в порыве восхода,
спасая рассудок.
Там поймаю одинокую рыбу и её заморожу.
Может, как-то не поздно
вернёшься и поможешь
почистить?
Мы разложим
костёр и на нём запечём убежавшие числа,
проведённые порознь.
«Когда ты вернёшься» — вот все одинокие мысли.

(31.01.21)

ВИДЕНИЕ

Твоё жёлтое платье, подшитое снизу,
проходит по саду, как призрак
свиданья по случаю, о котором не помню.
Плывёт чуть качаясь.
Так цветы заполняют широкую вазу
по стебли от корня,
бутоном кончаясь.
Как волосы бризом,
шевелится память из образов тени.
Созвездий сплетенья
над дома карнизом
глядят на растения.

Но что же нам стоит
под вздохи вернуться обратно?
Нарядное
жёлтое платье, походкой босою.
По саду.
Навряд ли.

(31.10.21)

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Привычка к чтенью умерших стихов,
уже ничем нетрогающих душу.
Под танец пальцев, щёлкающих кружку,
пить в одиночку,
глядя на восход.
Сперва на линию, потом на строчку,
чья точка, вырастая, станет диском,
тем утверждая планетарный поворот.
Привычка близко
бампер к бамперу водить авто,
где пассажирка (ножки в юбке,
сидит, сложив, чтоб их уже не вычесть).
Привычка к трубке
и табаку. Плюс куча разная других привычек.

Пожалуй, всё наоборот.
Есть пульс в поэзии, но нет его в душе,
заросшей луковицей обихода.
Ослепший крот,
тебе какое дело?
К чему Дюймовочки краса
в твоей норе? Уже
не выползти. Бесчинствует природа,
подчиняя тело.
Так слой за слоем исчезает лук —
слезой в глазах.
И лишь искусства звук.

(04.10.20)

СОН

Мне снился пляж. Испанская ривьера.
Ты в красном платье.
Солнце грело
сквозь виноград
на столики уютного кафе.
В руках меню — во сне
не разобрать —
что там, в какой графе.

Мы взяли «латте»
с пышной пенкой и с рисунком из сердечка
у официантки из славянского местечка,
по «Праде»
судя и акценту.
Мы платим временем,
разбитым в евро-центы,
за башню мурскую, роняющую тень.
За набекрень
заломленную шляпку.
За обещание неги позже жаркой
ночью.
За всё то прочее,
за этот яркий
сон,
что сбудется ещё когда — так вряд ли.
За право ветра помнить твои пряди,
хотя бы в нём.

(05.07.20)

* * *

Пора собираться.
Пора прекращать рисовать человечков бумажных
и ставить на книжные полки.
Раскрашены
мысли, что прежде глубокими
были, в простые цвета.
Опять повторяется время,
когда некого звать за собой.
Старенье —
нужда в реставрации
тела по контуру тени. Пора, мой герой,
самолёт ли, кораблик — неважно;
потянет и ослик поклажу по пляжу,
где набатом прибой
колокольный о горные кряжи
стучит. Где ты сам, как бумажный,
потому как — немой.

(10.03.20)

* * *

С.

Зачем, мой друг,
тебе ноябрьская любовь?
Короткий день, зашторенное небо?
Неловкость рук,
роняющих любой
предмет
при звуке голоса, зовущего куда-то?
Зачем нелепость
наблюдения примет
у результата,
где ты за скобками?
Что так всё было сразу:
она — честна́.
Ты ж стопками
в ночи
не сможешь утопить несказанную фразу.
Кричи
её в тетрадь, несбывшийся пророк.
А в Рождество,
что вон, не за горами,
благодари, что смог
почувствовать опять то волшебство,
которое горчит,
которым Бог
так редко разговаривает с нами.

(14.12.22)

ВЕСЕННИЙ БЛЮЗ*Маме*

Зелёный колибри
над цветками январской азалии.
Сзади,
за нею, кратко выбритая
молодая поросль на газоне.
Меж вымытых
дождями кирпичей дорожек —
свежий мох.
А так садик —
гол. Лишь ель
иголок дрожью
приветствует сезон зимы
за вздох
до окончания,
ну и случайный
ранний февральский шмель
жужжит над прописью травы.

Ты там давно, где нет ни неба ни небес.
Ни шума. Лишь движение фотонов,
чьи квантовые позывные
нас связывают пуповиной нервов.
Я здесь,
в тени фронтонов,
где природа предпочитает разводные
мосты
всем навесным.
Наверное,
так надо, чтоб прошёл корабль. Я вслед
ему гляжу и ўтра мне — пусты.

Февраль. Рассвет.
Магнолия — в глаза.
Мимоза — в ноздри.
То паруса
уже весны полощет воздух.

Выносит голову опять
лучом горячим,
и вспять
вращается земля со мной незрячим.

(11.02.20)

ИЗГИБ ПАМЯТИ

Посеребрённые ложечки
в детстве своём вспоминаю.
В пупырышках холода кожицу
девочки —
имя не помню.
С чёрным боком сугроб на дорожке
к трамваю.
В нём осколок — на кромке
стекла — солнца зайчик.

Он сверкает любовью,
что привкус свиданья разрушит.
Закружится трамвай,
начиная движения
вышивку.
А что свет того зайчика значит
во мне? Принимай —
всё становится глуше.
Настоящее в прошлом
проступает из тени.
Серебристые ложечки —
звон излишества,
чтобы вспомнилось всё остальное?
Возможно.

Это небо стальное
над домом,
что казался огромным,
а теперь — неказистый.
Держит память
когтистою
лапой за трещинки на фасаде.

Вот накатит
набухающий дождь, смоев время.
Останется чистый
садик,
и запахнет весной твоё старое платье.

(10.12.21)

БИЛЕТ В ОДНУ СТОРОНУ*Д. Л.*

Уже давно отстреливают нас.
Там одноклассник, тут одноклассник.
С этим ясно.
Парнас
не выгорел. Да, вкúпе
с букетом разных
симптомов нездоровья, — скорей не свётит.
Я называю имена,
но дети,
моргая,
смотрят на меня.
И нет, не помнят —
страна другая.
Тут где-то сбросилась на ноль
шкала отсчёта.
Я вспоминаю: руки, голос.
И приходит, оживляя мысли, боль
в плаще нечётном.
Я в нём вдовцом
держусь за поручень вагона.
Качает поезд
памяти: лицо,
слова. Вдогонку полы
у плаща мотают звуки на стыках встреч,
где недосказанная речь
тем, неотвеченным вопросом
кружит в повторе подсознания.
Всё непрестанней
бьют колёса,
и как друг друга убережешь?

(30.01.20)

КОРАБЛИК

Я напишу три слова о любви.
 И сделаю кораблик из бумажки.
 Пускай плывёт в ноябрьской мокрой каше.
 А ты его когда-нибудь лови.

Везёт он наше
 сердце, на двоих — одно.
 Под мачтою в чернилах перепачкан.
 Вода ручья осеннего прозрачна
 и видно дно —
 пока что глубоко.

Клубки
 тумана скрадывают стрежень.
 Как угадать, куда нам лучше плыть?
 Мне б научиться быть
 с тобою нежным.
 Мне б научиться — быть.

Застыть во времени
 морщинками на коже
 у самых глаз.
 Наверно,
 льды не смогут заморозить
 в себе баркас.
 Бумажка слóжена.
 Непрочное творенье
 плывёт само.
 Но
 сердце как не заподозрить
 в лоцманском уменье —
 не ведать дно?

(11.11. 21)

ПРИВАЛ

Я попробовал достать табака,
но не дотянулась рука,
потому что ты спросила про чай.
Мы устали.
Ночь висит на плечах.
Пасторалью —
берег, скалы, горная речка.
На вопрос твой ничего не отвечу.
Стану ждать от тебя сигнала.
Будет вечер
медленно
проступать одеялом
звёзд.
Кем-то велено
нам молчать о главном,
протекая плёс
мелкой беседы,
пока общаются души, находясь рядом.
А о чём? — мы не ведаем.

Я хотел пойти найти табака,
но споткнулась по дороге строка.

(17.10.22)

ВЗГЛЯД

Обрезанный углом стены,
прекрасной девы лик.
Поток волос.
Вздох.
«Когда б мы были смятенны...»
Что за вопрос?
Ток,
пробегающий в глазах,
за миг,
за взмах ресниц. Какая чушь! —
Корабль на полных парусах
по руслу луж.

Не выходи из-за стены.
Не жги мосты.
На полюсах
мы уцелеем, спасены.
Не нам: ноябрь, листья,
колени, дождь,
судьбы размах.

Мгновенья тянутся чисты.
Не потревожь.

(15.11.22)

МАТЕМАТИКА ЮБИЛЕЯ

Празднование круглых дат
зависит от системы исчисления,
а вовсе не от возраста.
Помню в двоичной юности, когда поддат,
мнимые сложности
просто
замедляют время до просветления.
И оно наступает, и голова
проходит настолько, чтобы понять, что не о тебе говорят.

Трава
отступает на задний план, становясь фоном,
на котором видны отличия
нас друг от друга,
перемежаемые то суетой, то скукой.
Круглые цифры в двоичной
системе
расположены чаще, чем настоящий повод,
достойный юбилейной темы.

Пониманием сего озаримы,
вырастая, мы переходим к десятичной,
как в Древнем Риме,
чья штучность значимых дат, на конце с нулём,
соизмерима
с величиной жизни.
Мы по-прежнему пьём,
и это — факт,
но теперь озираемся, особенно когда за рулём.

Признаки делимости на десять:
существование
из непрерывного становится дискретным.
Если
это и не удлиняет бытие,
то всё ж незаметно
создаёт иллюзию в сознание,

что быльё
важнее настоящего.
И тогда сей мираж заслоняет собой перспективу ящика.

По своим приметам
округлость цифр предполагает компанию.
С возрастанием их величины она становится теснее
и, покуда замкнута, то старания
не считать остаток обречены на успех.
Я не против празднования юбилеев.
Их смех —
это то слагаемое,
что вычитает упадок.

(07.12.21)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НОКТЮРН

Нам уже не встретиться с тобой в городе,
под снегом, летящим в морды
статуй сфинксов
из неба, что самую суть светлее земли.
Иксы
наших дорог
никак не пересекаются с игреками времени,
теми, по которым плавают корабли.
Я ухожу от тебя на триере:
быта, работ, обязанностей,
с которыми не уместен торг.
В разности
вычислений оказывается устье
реки, протяжённой с запада на восток.

Воспоминания — это грусть
о безнадёжности возврата.
Я не хочу помнить, о чём мы когда-то
мечтали,
особенно не хочу вспоминать детали.
И, если бы мог,
предпочёл надежду на повтор,
даже если далее
повтор — расплата.

Перебор
твоих ног по поребрику,
пасть парадного, откуда веет
сыростью.
Моя маленькая фея,
зачем мы живём на свете,
если твоим волосам никак не рассыпаться
под моей рукой?
Неужели, укором
или, хуже, — панёгириком
по самим себе за выживание в этом столетии?

Если всё, что нам удалось, получилось поро́знь,
значит ли, что для «вместе» нам пора на покой?

(24.07.21)

* * *

Ты мне снилась, родная,
со смешинкой в глазах.
С чашкой кофе на столике.
Мяч, размах.
Как, бросая
его, пустела рука
и собачка бежала по саду.
Вдоль него
плыл привычный дымок твоего табака,
как разлуки досада.
Я осадок печали
замешивал в чай.
Дождь стучал
по просевшему тенту.
Отступала усталость в намятых плечах
и твой голос звучал
с хрипотцою акцента.

Ты была очень близко,
так, что сон был не сон.
Твоя блузка,
надетая прямо на тело.
Я был рядом, смятен,
я подыскивал слово...
Но проснулся. Тайга. Низкий
плотный туман.
Лапы елей — основа
виденья.
У тебя всё в порядке. Там
всё залито солнцем, где ты ждёшь меня в тени.

(18.07.22)

HALLOWEEN

Не получится вышить в батисте
сезона дождей.
Танца листьев,
гоняющих свет над дорожками сада.
Из бесценных вещей
мне достался скелет из пиратского клада —
Halloween овощей,
где щекастые тыквы с разрезами глаз.
Отберите конфеты, давайте!
Мне сладкое вредно до жути.
Венский вальс —
одичалому
платью
с метлой приведения.
Я вхожу, неживой, в нежилые дома
и с корзинкою клянчу
напутье.
Что направо, что прямо в направление веселья.
Лишь топорщит карман
лицемерно подаренный кем-то
твой потерянный шарф.
«Нет, спасибо, не мёрзну».
Видишь, падает жаркий
ноябрьский дождь на макушку скелета,
что пустыми глазницами смотрит на звёзды.

(01.11.21)

* * *

Не складывай время из кубиков старых игрушек.
Живи напролёт.
Пусть ненужной
окажется память.
Молись на природе, где храмы из камня
без стен и где крыша — живой переплёт
облаков. Сволоки
на обочину груз
и отбрось
пропотевший ремень.
Наконец-то себе помоги.
Не спеши. Ты и грусть —
теперь это вроде бы
врозь.
Не бойсь перемен.
Жизнь пройдена —
страхни песок с ноги.

(17.04.21)

МУЗЫКАНТ

М.Г.

Гитарные звуки — гармонии грустной мудрости —
убегают
переулками вечеров. Лови их, держи,
обнимай.
Я в живых
потому лишь, что сердце исполнено чуткости
и стучит, неприкаянно
припадая в словах. Майя, Май,
ты паришь над раздолбанным временем,
где жестянки колёс об асфальт
отбивают размер. Но, прострелены,
строчкой восходят глаза,
когда голоса альт
излучает сиреневый
запах, чтоб мгновенье
застыло, покорно явив небеса.

Тишина. Я люблю тишину отрезвления,
где усталой гитары с горизонтом
сливается гриф.
Воспарив,
отхлебнувши прозрения,
я всё жду — в тишине повторится мотив.

(16.09.20)

* * *

Мир велик.
Наши дети не будут знакомы.
Только мы — корабли,
каждый миг
бороздящие облака
друг к другу.
В трубку:
«Не видались давно. Приезжай,
навести старика».
Без нас обветшают хоромы.
Ты идущих вослед не упрекай —
за разлуку
культур.
Перестанет болтаться
в небе самолётное кресло
с вытянутыми ногами. Компания, станется,
потеряет бизнес.
В головах потомков вместо
фигур
наших, в обрамлении вещественных доказательств
ушедшей эпохи,
пустоту неплохо
заполнят другие мысли.

Отсутствие вопроса
обесмысливает ответ,
который готов.
Грусть о том, что нас больше нет,
некому испытать.
Муравей, пересекающий космос,
оборачиваясь вспять,
не находит своих следов.

(03.01.22)

* * *

Ещё не сегодня, как осень
 качнётся листками.
 И слякоть печали,
 и пот, и бессилия стыд.
 И чайная пропись
 по скатерти. Боль под висками.
 Ещё не сегодня — растерянный вид.

Всё будет, но позже.
 И пряжей протянется память,
 стирая событий цвета.
 Разнять одиночество.
 Прошлым себя не поранить.
 Успеть заплатить по счетам.

(12.06.22)

ПОДРУГЕ

Ты любила со мной гулять
по местам, где мы никогда не будем.
Я устал тебя обнимать,
шептать
на ухо, показывать пальцем красóты,
задышаться в твоих волосах, а ты —
меня ревновать
к людям.
Пустóты
в нас теперь можно заполнить кремом брюле
в дорогом ресторане пятизвёздочного отеля,
столиками на пляже под шум прибоя
и после, ласковой рукою
сбрасывающей бретельку, кольцо
и всё такое.

Раскладывая на столе
фотографии, украшения, решительно
и внимательно,
неподаренные, и прочие атрибуты нашего «пóрознь»,
я признаюсь в нелюбви и в потерянном прошлом,
сидящим не взрослым
платьем,
не перешитым,
но по швам распоротым.
Смешно, что
нам ещё предстоит обсуждать поколение внуков,
флиртовать по привычке,
целоваться, купаться nude, не вызывая мурашек кожи,
встречаясь взглядом, говорить без звуков,
соблюдая приличия,
потому что без — мы уже не сможем.

Биология забирает своё,
привнося поправку,
так что всё,
случившееся не с нами вместе,

жмёт, как плохая обувь.
Горчит, как с друзьями детства,
впервые косяк из травки,
от пробы
старости и в ужасе от инцеста.

(11.01.21)

ВОЗРАСТ

Сперва тихо.

А потом звук ходунка,
скребущего, невзирая на свежие мячики
на лапках.

Лихо

по имени время. Робко так
сначала целует пальчики
морщинками кожи,
потом память — заметками в тетрадке.

Боже,

куда я её положил с вечера?

А солнце уже шумит
на терраске
на цветке январском,
где жужжит
шмель, беспечно
размешивая краски
дня.

Тапочками шваркая,
подобраться к прилавку кухни.

Огня.

Сварить что-то на завтрак.

Мир не рухнул?

Новости — не вникая в событий пляску,
в мельканье кадра.

Дряхлость —

это из намеренного — внезапный вычет.

Потому-то теперь и крадёшься мимо,
любуйся, лишь бы не спугнуть.

Это ещё молодость, когда ловля птичек
не требует грима.

Согнуть

бы себя, подобрать урённое,
пропавшее.

Развернуться бы к ней лицом, переиначить важное
за собой.

Кроме
сил, не оставшихся,
на что ещё надежду потратить, если не на любовь?

(03.01.22)

ЛИТЕРАТУРНОЕ КАФЕ

М. и С. Голдобиним

Стеклянная стена. Малиновые шторы
и книги — стеллажи узорами
времён.
Кораблик - столик мой в волненье разговора
плывёт на парусах
стакана «Совиньон».
Аккорд
гитарный взят
и микрофон подложен.
Звучит баллада о... и кружатся
слова. Как листья ноября,
они ложатся
на и заматают рыжим
сиденья экипажа —
дрожит
купе-кафе, над строчками паря.

Прижатый
пальцем гриф
взмахнёт струны
прибоем,
и вздыбится крутым
волнением душа,
когда возьмёт мотив
в небесно-голубое,
тебя, меня с собою
в речитатив кроша.

По залу тишина.
Остановись, мгновенье.
Для дуновенья
рук раздвинут локоток.
Одежды лишена,
жизнь продолжает пенье.
И дай ей Бог!

(22.01.22)

59 СЕНТЯБРЬ

Потому что музыка песен
 требует светлых строк,
 стану пить только пресную
 воду.
 Буду только в глаза смотреть.
 Если где-то есть истина,
 то в угоду
 ей продолжать гореть,
 наплевав, что, конечно же, не пророк.
 Листьями,
 волной по траве, водой вдоль ствола —
 лес вытекает с ветром,
 оставляя всю неподъёмную
 эпоху ретро
 на сто лет догнивания.
 Так и люди многие
 уходят раньше, чем их тела,
 обречённые на дыхание.
 Потому что слова
 связав,
 получаешь материю,
 ничего с собой не забрав,
 я заворачиваюсь в терпение,
 гусеницей, куколкой ожидающей возрождения.
 В музыке, «раз-два».
 Потому что красота
 побеждает боль,
 я смотрю в вечность и вижу свет
 в гармонии кружащегося листа,
 чья роль —
 перегнутой. Ища ответ,
 за слоем слой,
 мне ль его раскрошить?
 Ведь жизнь, в которой побеждает зло,
 не стоит жить.

(08.09.22)

ОСЕНЬ

Теперь только смотреть —
как оно там складывается у детей?
Стереть
со стола после их ухода.
Переживать, сплетничать по кухням,
по телефону.
Глохнуть.
Просить приехать. Руки
скрещивая на животе,
засыпать под плафоном
горящей люстры.
И хотеть,
надеяться, что всё по-другому
выйдет. Привыкать к пустоте
в пространстве дома,
к хрусту
мусора под ногами,
к неважности позабытого,
к чему уже не поторопиться,
найдя в кармане
памятку с именем
и числом.
О чём?
Пытать: суету, лица,
всё, что нанесло
за последнее время
на поверхность стола.
Злиться
в нетерпении,
разбрызгивая слова.

Так ноябрь жизни
обмакивает скупое солнце
в промокшую почву дел,
падая на старые тапочки.

Так призрак
весенней бабочки
вдруг качнётся
падающим листом
будущего мороза.
Так последняя взошедшая роза
пахнет твоим теплом.

(22.11.22)

РАЗЛУКИ
(эссе)

МОЙ РУБЕЛЬ
Памяти Ильи И. Рубинштейна

*Но ни вскрика, ни всхлипа, ни вопля...
И у ночи не спросит рассвет:
«Что случилось?»... И вправду — а что, бля?
Ничего. Просто умер Поэт.*

Илья Рубинштейн

Долги надо отдавать. Особенно долги дружбы и любви. Особенно, если должен, в том числе, и сам себе. Потеря, дыра в моей жизни лишком огромна, чтобы этой первой попыткой отписаться я мог её как-то обозначить. Он был большой частью моей жизни, а я — его. В этом году 25 марта из жизни ушёл Илья Рубинштейн. Писатель, режиссёр, сценарист и поэт. Человечество потеряло Человека. Как водится, не вздрогнув.

Мой старый дом на Юго-Западе Москвы теперь для меня мёртв и пуст. Мы встретились там, случайные соседи по кооперативу (произносить надо с гортанным еврейским «ра»), ещё в 1969 году. Позднее этот район окрестили «интеллигентным районом». В соседнем подъезде с 1970 года проживал тогда ещё малоизвестный скрипач — Спиваков. В первом подъезде краткое время жил Андрей Макаревич. Над нами занимал трёхкомнатную один из лучших детских сердечных хирургов Союза. (фамилия его была Пшеничников, имя уже не помню). Нам было по семь лет. Нам — это Илье, Максу, Егору, Серёге и мне. Мы звали его Рубель. Меня они звали Номер. Эти кликухи пристали к нам с 1970 года и прилипли навсегда. Тогда, в 1970-м, мы только пошли в первый класс 31-й школы Гагаринского района Москвы. И мы дружили полвека и один год.

Через всю жизнь. Десять лет школы, потом вся юность — всегда вместе. Эмиграция — это уже порознь. Разойдясь по разным континентам, мы общались по телефону и лично — в моменты моих приездов в Россию. Особенно в свободные 1990-е, когда я мог ездить часто и ездить хотел. Он уже тогда писал сценарии и тогда уже не был работником Госкомстата. Я

многократно звал его в гости, но Илья ко мне в Калифорнию так и не доехал.

Невозможно вспоминать про Илью и не вспомнить про себя. Точнее, вспоминая про себя, я вижу его, присутствующего во многих сценах. Вижу, как он учит меня первым трём аккордам на гитаре. У него был от природы низкий тембр голоса. *«Номер, у тебя же нет никакой координации слуха с голосом. Зажми вот эти струны и делай вот такой аккомпанемент правой рукой».* Потом аккорды добавились — их стало пять.

Серёга же играл всё. Он даже добыл где-то электрогитару, и она в его руках была музыкой. Вдвоём с Ильёй они могли претендовать на хорошую мини-«банду». Мои же попытки научиться лабать на «электро» были бесполезны. С той поры я подозрительно отношусь ко всем электроинструментам и предпочитаю классическую акустическую музыку компьютерной. Кроме блатных песен, кроме «Машины» или «Воскресенья», мы пели всякое. Помню, уже в старших классах Илья мне пел Высоцкого, а я ему Галича. Рубель остался в России. Я уехал в Америку. Быть может, если бы он любил Галича, то тоже уехал бы и, может, сегодня был бы жив. Скажем, был бы в Голливуде сценаристом или даже режиссёром. А может быть, он и в Америке тоже бы сгорел, потеряв здоровье в богемных тусовках. Нет такой вещи, как положительное влияние одного человека на другого. Это придумки. Есть — работа человека над собой, есть сознательный выбор положительного героя и упрямое следование ему.

Но я точно знаю — есть отрицательное влияние. Кроме уроков игры на гитаре, я перенял от Ильи многое, что перенимать, может, и не следовало. Или следовало, но — чтобы точно знать, чего избегать в будущем. Он выходил чистым из всяких передраг, из игр в карты, употребления крепких напитков в неправильной последовательности и в неправильной компании. А вот доставалось мне. Неприятности — это было ко мне. Говорят, что за характер. Говорят, что за еврейскую физиономию. Но как тогда быть с Ильёй? От него же всё отскакивало, как от чистой невинности. Он был любимцем любой компании — обаятельный,

талантливый, остроумный. Это он писал мне, и это было уже после 1992 года:

*Сентябрь. Петрович Александр. Бёздей.
Девятый класс. По трёшнику портвейн.
Недостающий рубль. Шибает запах в ноздри.
Ты знаешь, кто добавил — Рубинштейн*

.....

*Сентябрь. Петрович Александр. Бёздей,
А с ним обмыв отвала из Совка,
И кто вразнос про штатовские грёзы?
Ну, кто — да Рубинштейн наверняка...*

.....

*Сентябрь. Петрович Александр. Бёздей.
И что? Да ничего. Не под портвейн
Успеть сказать, пока ещё не поздно,
Что друг. И что — люблю. Хоть Рубинштейн...*

*И что супруга двух ещё родит
Иль одного — ей тоже нужен роздых,
Но не купить нам даже и в кредит
Сентябрь, а с ним и твой совковый бёздей...*

Футбол. Илья унаследовал от своего папы эту «болезнь», так что когда играл его «Спартак» — мир не существовал. Как сейчас помню эту картинку: — накуренная большая комната, в углу чёрно-белый телевизор на тонких ножках и перед ним Илья в позе полной концентрации внимания. Если футбол был для него номер один, то мировой баскетбол был номер два. Вот фрагменты из стихотворения «20 августа 1980-го» (мы как раз в то лето только закончили школу).

*За час четыре пачки мой папа засадил,
И тапочек в раскачке то вверх, то вниз ходил.
Он даже не заметил того, что втихаря
К евойной сигарете приткнулся раз и я.
Поскольку вдрызг загашен — ведь в телеке дают,
Как наши против наших зарубу выдают...
А год — восьмидесятый, и нету злей врага,*

*Чем сионист пархатый — понятненько, ага?..
А год — восьмидесятый, в парткоме папа член,
Но пункт, который пятый, не вытащить из ген...
Так и сидим в раздрае... Белов штрафной вогнал...
«СССР — Израиль»... по баскету финал...*

Но ещё важнее было другое. Точнее другой. Ещё со школы, с поздних 1970-х, у Ильи был герой. Герой писал песни, пел под гитару, играл в театре и был любимцем народа. Страстный поклонник Высоцкого — Илья пел его как никто и никогда. А я слышал многих. И дело не в прямом подражании хрипотце оригинала (так, что почти не отличишь), а в поэтическом сопереживании всем сердцем строкам песен Владимира Семёновича. Мне кажется, дело в том, что когда Илья их пел, он творил их заново вместе с автором. И слушатель это чувствовал. Его квартира на Юго-Западе представляла собой музей публикаций Высоцкого, в нём была, пожалуй, самая полная любительская коллекция, на эту тему, которую я встречал. Книги, газетные статьи, брошюры и, конечно, записи.

Высоцкий был и кумир, и слабость в жизни Ильи. Как настоящий актёр, Рубинштейн входил в роль, полностью перевоплощаясь. Без остатка. Его роль становилась им самим. Видимо, его кумир перенёс свои слабости на Илью. Кумир дожил до сорока двух. Илья перевалил аж за пятьдесят семь. Как жаль! Как глупо. Как рано. Отрывок из одного из его последних признаний:

*Что тебе ещё шепнуть в дорогу
Штилем верхним, а не то да сё?
«Ночь тиха, пустыня внемлет Богу...» —
Только Он давно забил на всё.*

Да, вернёмся назад. Евреев тогда принимали только в ограниченное количество институтов, и экзамены были сложными. В 1980-м Илья поступил в Московский экономико-статистический институт (МЭСИ), по окончании, в 1985-м, и не без рекомендации своего папы Юлия (Иосифа), был принят на работу экономиста в Госкомстат СССР. Государственный антисемитизм

тогда был ещё в расцвете, и хорошую работу найти было непросто.

Безработных же осуждали как тунеядцев. А тунеядцы призывного возраста попадали в Красную армию. А Красная армия вела кампанию в Афганистане. И там убивали. Чисто-конкретно убивали. Но представляете, что такое для писателя работа в статистическом учреждении? Живая могила.

Когда Илья ощутил себя евреем? Когда увидел насквозь лживую советскую действительность? Не могу сказать точно, но осознание еврейства (не иудаизма, а именно советского «пятого пункта») произошло с ним раньше, чем со мной, и случилось ещё в средних классах школы. У меня было наоборот. Я стал антисоветчиком раньше, чем осознал свою принадлежность к изгнанному народу. Позже, гораздо позже, где-то после 2007 года, Илья напишет в «Экскурсии по Вене» так:

памяти Рут Майер

*Хотелось бы, фрау, о малоизвестном.
О чём? Ну, не знаю... К примеру, о том,
Как под концертино для скрипки с оркестром
Здесь трижды на бис исполняли погром...*

.....

*Он Вене — анилюс, как подарок сыновний —
Мышиным мундиром с чумного плеча...
И счастлив незнанием Людвиг Бетховен
О жёлтой звезде на пальто скрипача,*

*Забитого насмерть в районе Нойцбау
Скрипичным футляром — как кельтским мечом...
О нет! Не волнуйтесь, любезная фрау!
Ваш дедушка здесь ну совсем не причём.*

....

Как только стало возможно, в 1988 году Илья ушёл из Госкомстата и поступил в ГИТИС и далее занялся любимым творчеством. Писал сценарии, книги, стихи. Печатался. Расцвет его творчества пришёлся уже на 21-й век. Особенно на его начало,

когда сужающиеся рамки российской культурной политики ещё не затронули свободу искусства так, как они это делают сегодня.

Я знаю далеко не все подробности его творческой жизни. После 2006 года мы общались мало и не виделись вообще. По понятным причинам я избегал появляться в России, где отношение к туристам из Америки становилось всё хуже и хуже. Особенно к бывшим гражданам СССР. Мы общались в основном по электронной почте, украшенной редкими телефонными звонками. Как часто бывает со старыми друзьями при редких встречах, вы продолжаете разговор с той точки, на которой закончился предыдущий. Прошло полгода с его смерти, а я до сих пор ловлю свой палец от нажатия на кнопку под его аватаром.

Основные вехи и подробности его творческой биографии — смотрите на интернете. Скажу только, что в те годы Рубинштейн снялся в роли в кинофильме «Папа». Фильм был номинирован на премию «Лучший фильм года». По сценарию Ильи и под его режиссурой был снят фильм «Май», который получил специальный приз на всероссийском конкурсе. Илья писал и стихи, которые можно найти в различных изданиях, в том числе в «Чайке», «Эмигрантской лире» и многих других (здесь я также отправлю читателя к Википедии). Рубинштейн мне регулярно присылал книги, а я ему свои. Пока почта работала исправно. Потом уже передавали друг другу сборники только с оказией.

Поэтический стиль Ильи Рубинштейна невозможно спутать с другими. Его строфа всегда несёт в себе отпечаток эпохи написания в сленге времени. Илья не изобретал новых форм — он писал традиционной силлаботоникой. Вот только образы, язык, сценарно поставленный даже в стихотворении *эффект присутствия* — всегда несут отпечаток и автора, и эпохи. Илье особенно удавались сценарные приёмы в поэзии.

Вот стихотворение «Из таможенной хроники 1975 года», посвящённое писателю Виктору Некрасову

*За стеной, за границей пройденной,
Провожжающих девять персон...
На нейтралке меж небом и Родиной*

Прощевальный от Родины шмон...

*Всё культурно, спокойно, таможенно
в «Шереметьево»-75: ¹*

— Это что?

— Ордена.

— Не положено.

— Так мои же.

— Глухой что ли, бать?

*И в мгновение похмелье — пожарищем,
И в руинах опять Сталинград...*

— Я могу... ордена... провожающим?

— Поздно, батя. Теперь — конфискат.

И покончив со всеми печатями,

Разулыбился вдруг погранец:

*— Тот, который про деда с зайчатами,
не родней тебе будет, отец?!*

Что ж... Броня погранцовского темечка

Крепче всех фронтовых рубежей...

Гонит, гонит весёлое времечко

Из России Россию взащей...

— Нет, до взлёта, месье, не положено!

— Подождёшь! Чай в Париж — не в Надым!...

И над совестью нерастаможенной

Честь взлетела. Тверёзая в дым.

Наша последняя личная встреча была в сентябре 2018-го в Москве, у него, в нашем старом доме на Юго-Западе. Илья уже был смертельно болен и знал, что долго не протянет. И страшный вирус следующего 2019-го года тут ни при чём. С его букетом болезней у современной медицины просто не было шансов. Ему не смогли помочь даже в Израиле, куда он ездил с надеждой вылечиться ещё в 2016 году.

¹ Художественная вольность автора: Виктор Некрасов улетел в Швейцарию не из Шереметьева в Москве, а из Борисполя в Киеве, и было это не в 1975 году, а в 1974-м. Но без таможенного шмона, разумеется, не обошлось.

После этой неудачной медицинской экскурсии Илья творил, как мог, просто наперегонки со временем. Я помню, что его последний сценарий, который он мне проговаривал на кухне по сценам, должен был быть про людей, протестовавших против вторжения в Чехословакию. Сценарий писался от имени «главного героя» — одного из «кгбешных» исполнителей, которым было приказано арестовать и избить тех семерых, вышедших на площадь 25 августа 1968 года на демонстрацию протеста. Илья сказал, что вряд ли этот сценарий примут к постановке, но он его всё равно напишет, потому что испытывает потребность именно сегодня, в 2018 году, его написать.

«"Мосфильм" платит за сценарии, но многое не ставит», — сказал мне Илья. За свою карьеру сценариста он написал около 30 сценариев, купленных разными киностудиями. Но где-то половина из них была положена «под сукно» — как ему сказали, приобретатели, «сегодня неправильное время по ним фильмы снимать».

Мы сидели на кухне нашей «хрущобки» постройки 1969 года. Между нами был стол, один конец которого упирался в подоконник. За окном было ещё не темно. Тёплый сентябрьский вечер располагал к беседе. Я вдруг вспомнил, что мы всю жизнь провели с ним на кухнях. Ибо тут есть и выпивка, и закуска, и не надо далеко бегать. А также есть спички, чтобы прикурить, и спичечный коробок, чтобы стряхивать на него пепел. (именно так, на коробок). А пепельница? — это же её потом мыть надо! Пить врачи ему запретили, но, как он мне сказал, когда он пьёт, боли отпускают. Я тогда же ночью написал ему будущий некролог и показал. И он одобрил. И мы ещё потом выпили. Некрологи на живых печатать нельзя. И только вот сегодня, спустя два года после написания — можно.

Я встречу старого поэта.

Мы заведём про то, про это.

Мой юный друг ушедших дней —
плевать на лето.

Тоска сильней.

Он загрустит, налив по третьей.
 Он буркнет что-то там о смерти.
 А я в глазах читаю жизнь.
 Конвертик
 чуда,
 продержись,
 дойди посланием оттуда.
 На строчки
 лет нанизан дух.
 Плесни ещё, на тост не вслух.

Что мы знаем о жизни и смерти? Эта статья не об этом. Где-то я натолкнулся на гипотезу, что наши души имеют квантовых двойников — там, в другом мире. Что в момент смерти душа переходит, спасается через квантовый переход куда-то ещё. Быть может и так. Понятно и ежу, что тело не вечно и что жизнь пребудет. Ушедшие не исчезают, они даже иногда к нам приходят, и не один раз. И иногда даже птицы ведут себя странно, как правило, на девятый день.

Он любил жизнь. Он хотел признания. Он был человеком своего времени и, что очень важно, своего места. Он загонял себя, работая над текстом, он творил. И он сгорел. А мне остались стихи, кассета с очень некачественной записью его несерьёзных песенок и чёрно-белые фотки для памяти, которой больше не с кем поделиться.

А, дружище, привет!
 Очень рад, что зашёл хоть сейчас.
 Мы тогда не успели,
 и завис разговор на вопросе.
 Не помню уже про ответ.
 Ну, давай по одной. Как в тот раз,
 ты закуришь и просто
 себе, в самом деле,
 помогая руками, начнёшь убеждать.
 Как сценарий кино?
 Что? Закончен? А купят его,
 чтобы ставить,
 или снова под скатерть —

до лучших времён
 переждать?
 Мне сказали — ты мёртв.
 Как же так мы болтаем?
 Мы, конечно, когда-то умрём,
 но ещё не сегодня. Покуда нам катит,
 пока наливаем
 и вдвоём
 нам тепло.

Я пытаюсь запомнить, услышать и вникнуть.
 Он же машет рукой.
 Сигаретой меж пальцев задевает стекло.
 О чём — не понять. Нелегко
 промолчать,
 постараться не вскрикнуть
 в этот воздух густой,
 что напротив, в остывающий чай.

Я проснулся в пустыне рассвета.
 Всё же мёртв. Но ведь был разговор?
 На полу у постели — пепелок сигареты,
 и как будто он только что вышел во двор.

(California, Woodside, Aug.–Sept. 2020)

МОЙ АМЧИК

*Памяти Александра Амчиславского*¹

*Мои короткие стихи—
как дольки яблока на блюде:
они уже не соберутся,
как пальцы — крепко в кулаки.*

Александр Амчиславский

Это — про то, что я помню о нём, о живом, улыбчивом, подвижном, щедром. Это — про то, что у меня болит, когда я спотыкаюсь о его, теперь вечное, отсутствие. Это для того, чтобы я не забыл эту боль.
Это письмо самому себе.

Начну с конца, с последнего нашего свидания 18 сентября 2022 года. Я возвращался домой после наполненных жизнью и искусством дней, проведённых на фестивале в Ниагаре, в Южной Канаде. Я специально уехал оттуда пораньше, чтобы и успеть встретиться с Сашей в Торонто до моего отлёта домой.

Богом забытое кафе
за дни до твоего ухода.
В голове
одни важные темы, какую обсудить раньше?
Природа
улыбалась сентябрьским солнцем.
Под это разве можно в словах о страшном?
Полотенцем салфетки протереть столик
в кольцах
кофейных пятен.

¹ Александр Амчиславский, бывший москвич. Поэт. Публиковался по всему миру, в том числе в журналах «Новый Свет», «Нижегород», «Этажи», «Дружба народов», «Нева», «Эмигрантская Лира», «Западное Побережье», в Антологии «Русской рифмы» и др. Лауреат премии имени Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый Свет» за сборник стихов «За тонким полотном» (изд. «Время», Москва, 2017).

Мы шутили о мелочах, а о главном, о боли,
я был невнятен.
Мы, как всегда, не договорили,
Моё: аэропорт, дорога.
Твоё: в хлопотах,
Торонто.
Тропинка, паркинг, наши автомобили.
У меня не хватает опыта:
надо бы о важном,
чем мы горим — только мы молчим.
Твои волшебные, теперь осиротевшие, строчки,
разбросанные по журналам.
Как же так, что всё кончилось,
когда едва начиналось
прилива валом?
По жизни далее им самим,
собственными шагами.
Осталось
не принять зачёркивание.
Осталось одиночество,
подсвеченное твоими стихами.

Сашины стихи — это действительно свет. Они прозрачны, они пропускают через свои слова сияние Вселенной, усиливая, фокусируя его на болевых точках наших душ.

И это не потому, что Саша часто обращается к теме Всевышнего в своих стихах, а потому, что Саша умеет слушать мироздание и резонировать с ним.

Краткой была наша дружба. Сильной осталась наша духовная связь. Не было таких тем, которые мы не могли затронуть. От детей и любимых женщин до политики, до совести и тщеславия — и, конечно, до искусства поэзии и любимых стихов и песен.

Разнесённые на расстояние трёх часовых поясов, мы общались вдруг, спонтанно, но часто, продолжая разговор с той точки, на которой закончился предыдущий. Теперь пусто. Осталась память о голосе, о неторопливой, убедительной манере разговора и, о точно, к месту выраженной мудрости.

Иногда мы ездили друг к другу через границу наших стран и планировали встречи в третьих, заранее предвкушая удовольствие от их культур и нашего восприятия увиденного. Он очень любил приезжать в Калифорнию, мы тогда только построили наш гостевой домик и Саша был первым его жильцом. Вот что он записал в гостевой книге:

*В этом доме не включали до меня
ни водички, ни молитвы, ни огня,
ни комарик, ни очкарик, ни пчела
не смывали пыль дорожную с чела.
В этом домике, поставленном кормой
ко всему, что есть чужого под хурмой,
к ней — тяжёлой, гладкой, сладкой, огневой
не подъехать на кобыле на кривой.*

*Счастлив я — забавник, баловень, левит,
проложил сюда дорожку по любви,
не бывающей ни глупой, ни слепой,
уж поверьте — лишь судьбой,
всегда судьбой.*

*Александр Амчиславский с любовью
15 января 2019 года*

Это была краткая, насыщенная жизнь, которую жила наша дружба, пока она не споткнулась о внезапность смерти. Закончилось всё в сентябре 2022-го, а началось в августе 2017-го в городе Льеже, на литературном фестивале. Там я познакомился с поэтом Александром Амчиславским.

Судьба свела нас на краткий, как теперь оказалось, период для интенсивного творческого союза и дружбы. Влияние Саши на моё творчество переоценить трудно, но вернёмся к истории. Мероприятия того фестиваля мы посещали мало и плохо. Вместо этого, мотались по Фландрии и смотрели на красоту. Ходили в музеи, соборы и болтались по улицам старой Европы. Там, в полусумраке Гентского собора, я впервые увидел на Сашином лице отражение света Создателя.

Саша всегда говорил, что мы пишем про себя. Даже когда мы пишем про других, это — всё равно про себя. Сашин лирический герой всегда присутствует в дыхании его строк. Он — Сашино alter-ego, иногда приниженное, но, как правило, возвышенное и улучшенное идеальное воплощение автора. Мечта о самом себе.

*Тот коридор широк и будто пуст,
а мы в нём — не скажу, что безголосы,
но так тихи, малы, простоволосы,
идём лопочем, не смыкая уст,
и каждый о своём, важнее нет —
старушка сына ждёт, и всё напрасно,
художник заговаривает краски
по-прежнему с холстом наедине.*

Он действительно заговаривал, и не только краски, но и слушателя, читателя. Казалось бы, простая строка — стучится не громко, не сильно. Но настойчиво. И она входит внутрь, никогда не с первого стука, и даже не со второго, но, набегающие волнами, они открывают своим ритмом сначала маленькую дверцу в душе, а потом в неё уже льётся поток. И он расширяется и заполняет. Вот фрагмент из стихотворения «1918 год». Написано Сашей сто лет спустя:

*Курит поэтка волшебное зелье, курит,
чёрные раньше, нынче седые кудри
тонкой рукой свивает, тоской веет,
Господи! — просит и верит, не верит, верит,
молит о воздухе свежем, держась за стены,
даже в побелке запах и привкус сена,
что там на улице? — тот же фонарь, аптека —
может, и не было, видимо, не было века,
тот же фонарь, только жёлтым течёт светом,
будто бы выстрелы хлопают мокрым ветром,
и разгоняется, бьёт по своим чечётка,
катится яблочко, стынет лихая чёлка.*

Какое напряжение дыхания! Какой ветер в душе читателя! Как этот звук «рр» рокошет над каждой строкой, ударами стучась в душу, создавая образ! А потом, уже когда образ человека вызрел, когда мы его видим, автор переводит наш взгляд наружу — что там на улице? Почему героиня так курит, будто хочет зачеркнуть время? Надо ли говорить, что прообразом для этого стиха, являлась Ахматова? Наверное, нет. Надо ли говорить, что стихотворение оказалось пророческим? Тоже, наверное, не надо.

Тяжело говорить о потере поэта. — Легче — о приобретениях от поэзии. А приобретение от поэзии Амчиславского — это мудрость, входящая в душу через светлую грусть. Мы становимся богаче, и богатство это не из тех, что можно растратить пустыми действиями или словами. Оно оседает внутри плодородной почвой, на которой восходят ростки добродетели и умирает лес наших грехов. Я не могу это объяснить рационально, но после прочтения Сашиных стихов я чувствую себя чище.

Тема Всевышнего в Сашиных стихах требует особого исследования. Еврей, принявший христианство, человек, постоянно борющийся со своими грехами и побеждающий их. Побеждающий своим главным оружием — поэзией. Сашина поэзия, выражает его непоколебимую Веру, пронизывающую своей внутренней правдой и задающую нам, читателям, вечный вопрос: А прав ли ты, сомневающийся?

*Я боялся тебя, как мальчишка, вступивший на крышу,
я искал тебя, словно подкидыш — родного отца.
Я молился тебе и не верил, что буду услышан,
как слепой, никогда своего не выдавший лица.*

...

*Я с тобой говорил, я юродствовал, буйствовал, дрался
и себя убеждал, вырывая страницы из книг —
ты стоял у дверей, и молчал, и чуть-чуть улыбался, —
я уселся на камни и лбом к деревяшке преник.*

Его нет. Я нескоро ещё научусь обходить его отсутствие в моей жизни. Научусь перешагивать через пустоту, подавлять комков в груди. Но как мне вырастить костыли, которые его всё равно не заменят?

Когда уходит поэт,
по-другому звучат его строчки.
В них слышится мелодия точки,
даже если её там нет.

Слабым утешением является чувство, что ему Там нормально. Что Мастер получил свободу и покой, за которые было заплачено жизнью и любовью. Как он сам об этом писал:

*... уже всё можно, благо, не томит
ни жар ушедший, ни грядущий холод,
наш голод друг по другу чист и долог,
дымится поле к вечеру, а мы
с лесной опушки смотрим на закат,
на это, к счастью, пройденное поле,
как трудно выйти из родной неволи
и с муками к свободе привыкать,
когда невосполнимы голоса,
и клавиши разнополюе полосы
родные воскрешают отголоски
и чем-то мокрым водят по глазам.*

(California, Woodside, November 2022)

СОДЕРЖАНИЕ

ВИД ИЗ ОКНА

Lloret de Mar	6
Орегон в июле	8
Джаз-кафе	10
Армянский пейзаж	12
Степь	15
Шотландская сюита	16
Январь в Париже:	19
«Оторваться в Париж вне сезона»	19
«По крыше дождь.»	20
Ностальгический мотив	22
Сан Франциский трамвай	23
Гранд Каньон	24
Летний танец	27
Сухой сезон	28
Пейзаж с берега	30
Mardi Gras	31
«Я стану неучем истории.»	31
«Двухэтажный городок »	32
Взгляд с севера	34
«Мы пили пиво в Дрездене на берегу реки»	36
Укулеле блюз (Гавайские мелодии)	37
«Медленно плывущий кадр»	37
«Всех новостей, что продано поместье»	38
«Закат встречает»	39
Шум течения	40
К теории эволюции (Галапагосские этюды)	42
Весна в долине	46
К сосне	48
Снегопад	50
Японский садик	52

ОСТАНОВЛЕННЫЙ РЕЙС

Блюз Перемены Мест	54
Механика	56
Carnevale	58
Весна и Вирус:	59
Мор	59
«Вот послан мор. За что? Узнать ли после?»	59
«Ветер с веток на крышу наносит»	60
«Этой весной ушедшие возвращались птицами»	61
Год первый	62
Интерлюдия	64
Zoom	65
Еврейский Дом	66
«Человек состоит из оставленных за собой вещей»	68
Costa de morte	70
Турист	71
«Ну что, мой Санчо? Пять веков спустя»	72

ФРАГМЕНТЫ КАТАСТРОФЫ

Территория	74
«Платить и плакать, в плат укутав совесть»	74
«Полузабытый проходной киевский дворик»	75
«Меня часто спрашивают откуда я»	76
«Мне жаль людей погашенной страны»	77
«Там толпа мексиканских манго»	78
Мариуполь	79
«Я помню, как умирают в театре»	79
«Но как закрыть эту страшную книжку»	81
Буча	82
The Shire	83
Русский Стамбул	85
Время поколения	87
Kiss me in the lavender field	88
«Будущее»	89
«Отменить культуру, всё-таки, не получится»	90

Нью-Йорк	91
Четвёртый квартал	93
Новогодний фронт	95

МЕКСИКАНСКИЕ ЭКЛОГИ

Попытка к побегу	98
Окно на Мехико Сити	100
Puerto Penascos	101
San Felipe	102
Ривьера Майя	104
Las Cabos блюз	106
Mexico City блюз	107
Райский посёлок	109

ГАРМОНИИ ОЙКУМЕНЫ

Смена	111
Столетие	114
«Я, неизбежности ухода подчиняюсь»	115
Шарманка	116
«Декабрь дождями плывёт по щекам»	118
Оборот	119
Пятница	120
Пасха	122
Laundromat	124
«Я куплю тебе рай»	126
Йом Киппур	127
Воскресенье	128
«Ты любила спать, завернув голову под переднюю лапу»	129
«Где-то пролегла граница»	130
Путевой лист	131
Эндшпиль	132
Буржуа	134
«Ты уехала. Кофе безвкусен»	136
Выбор	132

Ноктюрн	138
Видение	139
Реминисценция	140
Сон	141
<i>«Пора собираться»</i>	142
<i>«Зачем, мой друг»</i>	143
Весенний блюз	144
Изгиб памяти	146
Билет в одну сторону	148
Кораблик	149
Привал	150
Взгляд	151
Математика юбилея	152
Петербургский ноктюрн	154
<i>«Ты мне снилась, родная»</i>	156
Halloween	157
<i>«Не складывай время из кубиков старых игрушек»</i>	158
Музыкант	159
<i>«Мир велик»</i>	160
<i>«Ещё не сегодня, как осень»</i>	161
Подруге	162
Возраст	164
Литературное кафе	166
59 Сентябрь	167
Осень	168

РАЗЛУКИ (эссе)

Мой Рубель	172
Мой Амчик	182